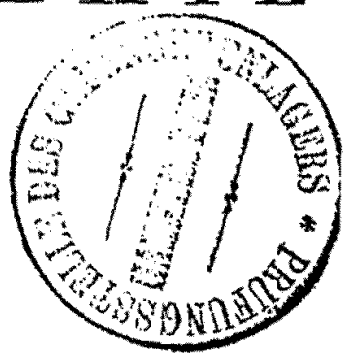
НОВГОРОДСКОЕ

ВОЗМУЩЕНІЕ

ВЪ

1831.



ЗАПИСКИ ОЧЕВИДЦА

ПОЛКОВНИКА ПАНАЕВА,

ВРЕМЕННАГО НАЧАЛЬНИКА ВОЗМУЩЕНІЯ.

Die Empörung von Novgorod im Jahre 1831.

ЛЕЙПЦИГЪ:
Е. Л. Каспровичъ.

LEIPZIG:
E. L. Kasprowicz.

1874.

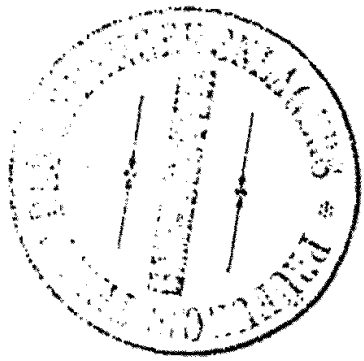
86

2 экз
п

БИБЛИ

225636

НОВГОРОДСКОЕ ВОСМУЩЕНІЕ
ВЪ 1831.



Опишу вамъ дѣло, хотя и не военное, но я лучше бы согласился вытерпѣть нѣсколько регулярныхъ сраженій, чѣмъ быть захваченнымъ въ народный бунтъ. Дни 16, 17, 18, 19 и 20 Іюля 1831 года для меня весьма памятны.

Опишу вамъ въ началѣ мое служеніе въ округѣ военныхъ поселеній новгородскаго отряда и мое положеніе на поприщѣ поселенной службы. Въ 1820 году предположено было сформировать для гренадерскаго сапернаго баталіона поселеніе, на равнѣ съ прочими гренадерскими полками: для того и назначенъ участокъ земли отъ гренадерскаго короля прусскаго (что нынѣ Фридриха Вильгельма) полка съ деревнями: Перевозъ, Хутинъ, Гажинскъ, Зазелье, Жидово, Радюново и селомъ Великопольемъ, купленными отъ Сперанскаго. 2. Положено было изъ крестьянъ сихъ

деревень съ добавленіемъ людей изъ всѣхъ саперныхъ и піонерныхъ баталіоновъ, уроженцовъ новгородскихъ и псковскихъ, сформировать двѣ саперныя поселенныя роты. Офицеры же ко мнѣ назначены изъ піонерныхъ баталіоновъ. Я служилъ въ то время во 2-мъ саперномъ баталіонѣ, квартировавшемъ въ Лифляндіи, въ городѣ Вензелѣ. Предположено было баталіонъ этотъ, какъ не вошедшій въ составъ арміи, переформировать и, оставя двѣ роты старыхъ солдатъ, дополнивъ таковыми же двумя ротами кантонистовъ, составить изъ него учебный саперный баталіонъ; двумя же остальными ротами скомплектовать прочіе саперный и піонерный баталіоны — и я въ капитанскомъ чинѣ, бывши командиромъ 1-ой минерной роты, назначенъ командиромъ обѣихъ поселенныхъ ротъ сапернаго баталіона гренадерскаго корпуса. Назначеніе это не было пріятно графу Аракчееву, которому хотѣлось назначить командиромъ въ эти роты изъ поселенныхъ уже гренадерскихъ полковъ, болѣе привыкшихъ къ правиламъ, принятымъ въ поселенномъ войскѣ и слѣдовательно болѣе опытныхъ въ предстоящихъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ. Мысль въ настоящемъ положеніи дѣлъ самая естественная и которая принесла бы болѣе пользы, чѣмъ назначеніе мое.

Были люди между образовавшимися тамъ командирами и трудолюбивые, и ревностные исполнители безсознательно, всѣхъ распоряженій начальства. Хвалю ихъ подвигъ, но не понимаю, какъ можно дѣйствовать успѣшно, исполняя лишь то, что имъ приказываютъ и не зная цѣли, къ чему должны направлять свои дѣйствія. Дѣло было новое и цѣль, изображенная въ проэктѣ, показывала только крайнюю точку несбыточнаго предположенія, средствъ къ достиженію коего, кажется, никто не зналъ. Мы работали много, прилѣжно, тратили матеріалы, изнуряли людей; при десятой доли умирающихъ между работавшими баталіонами, смертность не считалась большою; когда умирала восьмая доля, тогда только производились слѣдствія, начальники были отдаваемы подъ судъ, но суды оканчивались почти всегда ничѣмъ или вмѣненіемъ бытности подъ судомъ въ наказаніе и занесеніемъ въ формулярные списки, а при неудачныхъ постройкахъ наложеніемъ взысканія на людей собственности неимѣвшихъ. Отставки были воспрещены, въ отпуска не отпускали, или они были правилами такъ стѣснены, что никогда не было возможности ими воспользоваться. Однимъ словомъ мы были въ крайнемъ порабощеніи, и не

имѣя средствъ избавиться, начали для защиты своей придумывать разныя уловки. Главные начальники выбравъ что было по лучше изъ офицеровъ и болѣе способныхъ, назначили ихъ частными начальниками работъ, предоставивъ въ полное ихъ распоряженіе баталіоны, на работѣ бывшіе. Баталіонные командиры старались вытѣснить всѣми способами образованныхъ офицеровъ и поручить командованіе ротами произведеннымъ изъ унтеръ-офицеровъ или такимъ, кои, по неимѣнію средствъ къ существованію, обязаны были не разбирать средствъ и быть покорными, даже противу присяги и совѣсти. Главное правило было, что всѣ средства хороши, лишь бы сдѣлано было, что приказано начальникомъ. Шпіонства съ одной стороны и побужденіе къ доносамъ нижнихъ чиновъ противу ближайшихъ ихъ начальниковъ, когда желали ихъ перемѣнить другими, ослабили совершенно всю дисциплину и связь между начальниками и подчиненными. Инспектирующіе спрашивали всегда солдатъ о претензіяхъ, не употребляютъ-ли ихъ въ праздники и не изнурительны-ли для нихъ работы? Ежели начальника хотѣли удержать, то и по справедливой жалобѣ отдавали претендующихъ подъ судъ; а ежели хотѣли отстранить кого, то жалоба принималась, началь-

никъ отдавался подъ судъ и хотя года черезъ два оправдывался, но на ложныхъ доносителей судъ не обращалъ вниманія; ихъ переводили въ другую дивизію или назначали для присмотра какихъ нибудь матеріаловъ. Бывали случаи, что подсудимаго оправдывала коммиссія военнаго суда; но тогда обыкновенно наряжалась другая, а первая подвергалась взысканію за упущеніе обстоятельствъ; оправдывала-ли вторая, то наряжалась третья, до тѣхъ поръ, покуда ловкій аудиторъ не откроетъ какого либо упущенія въ другихъ случаяхъ службы подсудимаго. И такъ, отданный подъ судъ капитанъ за растрату казеннаго имущества иногда являлся виновнымъ, что будучи еще поручикомъ, во время стоянія въ караулѣ, отлучался съ гаубтвахты. Еще повторяю, что жестокости и строгости было много, но дисциплины не было, и войска были деморализованы начальствомъ и начальники съ своей стороны получая приказанія свыше — кои могли возбудить ропотъ между нижними чинами, исполняли приказанія не прямо, но старались внушить солдатамъ, ежелибы имъ приказано не было, то они бы не стали такъ мучить людей. Высшее начальство всегда старалось выставлять себя защитниками солдатъ, приказывая секретно не баловать ихъ, задавать уроки

больше, высылать на работу и по праздникамъ, и, ежели спросятъ отъ чего люди въ праздникъ выведены на работу, отвѣчать: что это лѣнивцы, не выдѣлавшіе своихъ уроковъ. Командиры-же, высылая по праздникамъ на работу, всегда обращались къ солдатамъ и говорили имъ: ребята, васъ велѣно выслать на работу даже и сегодня. Когда пріѣдетъ начальникъ и будетъ спрашивать меня отъ чего люди работаютъ въ праздникъ, я скажу, что это тѣ люди, которые въ теченіи недѣли не выработали своихъ уроковъ; смотрите-же поддержите меня, я дѣлаю не по своей волѣ. Ежели онъ будетъ вамъ говорить; для чего вы лѣнились, то кричите: впредъ лучше будемъ стараться, а какъ онъ проѣдетъ, то я васъ отпущу съ работы. Хитрость, употребленная противъ хитрости, не заставляя солдатъ любить начальниковъ высшихъ, лишала уваженія къ ближайшимъ командирамъ показавъ ихъ слабость.

Въ сихъ обстоятельствахъ вступилъ я въ поселенную службу въ 1821 году Декабря 27 дня и прибылъ въ Новгородъ, гдѣ предположено было сборное мѣсто, высылаемыхъ ко мнѣ изъ разныхъ баталіоновъ солдатъ. Но какъ команда моя еще не собралась вся на лицо, то офицеры мои и по частямъ пребывающіе люди употреблены

были на открывшіяся съ весною 1822 года работы, а по прекращеніи оныхъ въ концѣ Ноября съ собравшимися людьми вступилъ я въ назначенный мнѣ округъ, въ село Хутилъ, и, принявъ деревни съ жителями отъ гренадерскаго короля прусскаго полка, приступилъ къ формированію поселенныхъ ротъ 1 сапернаго баталіона Между тѣмъ, главный надъ военными поселеніями начальникъ, графъ Аракчеевъ возложилъ на меня составленіе проэкта и смѣтъ для устройства штаба для 1 сапернаго баталіона и персправки господскаго дома въ сельцѣ Великополѣ для помѣщенія корпусной квартиры гренадерскаго корпуса, а 1824 года назначенъ я производителемъ работъ во всемъ томъ округѣ. Формированіе поселенныхъ ротъ, устройство корпусной квартиры, управленіе работами, для коихъ на лѣтнее время приходило ко мнѣ шесть баталіоновъ 9 пѣхотной дивизіи, одна артиллерійская рота и одна военно-рабочая, полицейскій порядокъ въ округѣ моемъ, а по зимамъ поѣздки въ Петербургъ для составленія проэктовъ и расчетовъ для работъ будущаго года лежали на моихъ плечахъ и я просилъ г. Аракчеева, чтобъ онъ меня избавилъ отъ фронтовой части и его сіятельство перевелъ меня въ инженерный корпусъ, съ оставленіемъ при военныхъ поселе-

ніяхъ. Здавъ ввѣренныя мнѣ роты, я занялся однѣми работами и построилъ корпусную квартиру и одну поселенную роту. Въ 1825 году, 19 Марта произведенъ я въ подполковники. 1827 я былъ назначенъ производителемъ работъ полковаго штаба гренадерскаго императора австрійскаго полка, гдѣ и докончилъ всѣ начатыя постройки, какъ то: экзерциргаузъ, церковь, госпиталь, казарму баталіона кантонистовъ, ресторацію, домъ полковаго командира, четыре дома для офицеровъ, скотной дворъ, гаубтвахту, мастерскую и къ онымъ прислуги и устроилъ шоссе на 6 верстъ.

Таковыя занятія мои разнообразными должностями дѣлали меня извѣстнымъ какъ между поселянами, такъ и между дѣйствующими солдатами и начальниками, не только въ своемъ округѣ, но и въ сосѣднихъ. Австрійскіе поселяне высылались ко мнѣ для подвозки разныхъ матеріаловъ на шоссе и при отдѣлкѣ плаца; саперными я прежде командовалъ самъ; прусскіе потому, что я получилъ для сапернаго поселенія отъ ихъ округа деревни съ поселянами, кои въ прусскомъ полку имѣли родственныя связи и натурально, что послѣ отдѣленія ихъ ко мнѣ въ команду, были между ими сужденія, гдѣ служить лучше. При работахъ

принялъ я за непремѣнное правило — уроки возвеличить до возможности выдѣлывать всякому, но за тѣмъ наблюдать строжайше, что ежелибы рабочій, усиливъ трудъ окончилъ урокъ свой ранѣе, то его отпускать въ тоже время домой и, по возвращеніи въ свой баталіонъ, чтобъ онъ въ этотъ день на другія работы или ученья, или въ караулъ высылаемъ не былъ. Трудно было до этого достичь, но я упорно устоялъ въ этомъ, и однимъ этимъ простымъ средствомъ довелъ до того, что уроки возвеличенные до полутора раза, стали оканчиваться около 4 часовъ вечера, а иногда и ранѣе; тогда я началъ задавать уроки недѣльные съ тѣмъ, буде они окончены будутъ прежде, то остальные дни могутъ работать на себя и въ пятницу будуть отпускаемы въ Новгородъ на рынокъ для продажи своихъ издѣлій; успѣхъ превзошелъ ожиданія. О величинѣ уроковъ уже и помину не было, всѣ они кончались въ четвергъ довольно рано и я заваленъ былъ выдачею позволеній идти на рынокъ въ городъ; довѣріе было общее. Обстоятельства эти много помогли мнѣ въ дни бунта въ военныхъ поселеніяхъ 1831 года.

Но. выступленіи дѣйствующихъ войскъ въ польскій походъ, въ поселеніяхъ остались только

резервные баталіоны, составленные изъ кадръ старыхъ солдатъ и дополненныхъ кантонистами, дѣтьми военныхъ поселянъ. Поселенные начальники, какъ окружные, такъ и ротные, будучи въ зависимости отъ нижнихъ чиновъ и опасаясь жалобъ и доносовъ, вообще командовали слабо, поселяне не любили начальство и, ежели повиновались, то единственно изъ страха, ибо поселенія были наполнены войсками, ненавидящими поселенія и поселянъ, въ собственности потому, что нигдѣ не было хуже стоянки на квартирахъ, какъ у поселянъ.

Вотъ положеніе, въ которомъ находились Округа Военнаго Поселенія Новгородскаго отряда въ началѣ 1831 года, когда дѣйствующіе баталіоны гренадерскихъ полковъ вступили въ походъ при открытіи польской кампаніи, и резервные баталіоны пѣхотныхъ полковъ, бывшіе на работѣ, въ составъ резервной арміи. За тѣмъ остались въ округахъ одни лишь резервные баталіоны своихъ полковъ, состоящіе изъ малаго числа старыхъ солдатъ и дополненные до комплекта дѣтьми военныхъ поселянъ, да въ каждомъ полку по военно-рабочей ротѣ, неимѣвшей строевой аммуниціи и вооруженія.

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ холера начала распростра-

няться. Въ Петербургѣ учреждены были уже особыя больницы для холерныхъ, установлены карантины повсемѣстно, наконецъ и мы получили предписаніе учредить карантины; но, не смотря на то, болѣзнь начала распространиться и между нами, около 10 Іюля. Округомъ военнаго поселенія гранадерскаго императора австрійскаго полка, въ званіи начальника округа, командовалъ подполковникъ Бутовичь, резервнымъ баталіономъ маіоръ Султановъ, младшій штабъ-офицеръ маіоръ Баллашъ. Ротные командиры поселенныхъ ротъ, капитаны: 1-й — Саурскій, 2-й — Заикинъ, 3-й — Соколовъ; кто командовалъ 4-й, не упомню, но кажется, штабсъ-капитанъ Пановъ. Я въ чинѣ инженеръ подполковника распоряжался въ округѣ работами и, хотя былъ старшимъ въ округѣ, но въ управленіе не входилъ; въ томъ же округѣ былъ дѣловой дворъ и штабъ 5 военно-рабочаго баталіона въ деревнѣ Пирожкахъ, гдѣ жилъ и командиръ сего баталіона маіоръ Москвинъ; а также и штабъ 6 военно-рабочаго баталіона съ одной ротой, бывшей у меня на работѣ. Шестымъ баталіономъ командовалъ маіоръ Галиковскій, а ротой штабсъ-капитанъ Бриммеръ. Чрезъ Волховъ былъ въ округѣ короля прусскаго полка паровой лѣсопильный и мукомольный заводъ, на-

чальникомъ коего былъ артиллеріи подполковникъ Шиповъ, съ командою на заводѣ отъ 6 военно-рабочаго баталіона. При 6 баталіонѣ находилась и часть конно-рабочей команды съ 25 лошадьми, изъ коей мнѣ для разъѣздовъ по работамъ наряжалась пара лошадей. Всѣми войсками и округами командовалъ въ Новгородкѣ генералъ-лейтенантъ Эйлеръ, а старшимъ по немъ былъ артиллеріи подполковникъ Боттомъ; былъ въ Новгородѣ гарнизонный баталіонъ, которымъ командовалъ маіоръ изъ Нѣмцевъ, эскадронъ сибирскаго уланскаго полока, которымъ командовалъ маіоръ Воробьевъ; и кажется 24 орудія артиллеріи, два парохода и ластовой экипажъ съ судами.

Въ воскресеніе 12 числа Іюля я, взявъ билетъ для пропуска черезъ карантинъ отъ Бутовича, ѣздилъ въ Сырковъ монастырь для поминовенія скончавшейся недавно моей тетки, а оттуда проѣхалъ въ Вяжецкій монастырь, гдѣ и обѣдалъ; тамъ были какіе то купцы и разсказывали, что будто-бы въ Петербургѣ отравляютъ людей, совѣтовали и мнѣ остаться на нѣсколько дней въ монастырѣ; но я, отобѣдавъ, возвратился домой. Вечеромъ пришелъ ко мнѣ Бутовичь и сказалъ, что холера стала сильнѣе и что въ госпиталь поступило разомъ 13 человѣкъ, и онъ думаетъ

для успокоенія людей приказать отслужить молебень и съ крестнымъ ходомъ обойти вокругъ штаба. При этомъ сказалъ мнѣ то же, что прибывшій къ нему офицеръ изъ Петербурга говорилъ ему, что тамъ разсыпаютъ ядъ по улицамъ, и онъ, сдѣлавъ пріемку, радъ былъ, что вырвался; въ послѣдніе же дни своего пребыванія въ Петербургѣ онъ самъ почью ходилъ за водою боясь отравы и, купивъ припасовъ, сварилъ себѣ кушанье. Я совѣтовалъ Бутовичу запретить ему говорить вздоръ. На другой день 13 числа былъ церковный нарадъ и крестный ходъ для чего я прекратилъ на утро работы и всѣмъ рабочимъ приказалъ быть въ церкви. 14 числа приходилъ опять Бутовичь ко мнѣ и принесъ бумагу имъ полученную, чтобы усилить карантины, прекратить всякое сообщеніе съ Новгородотъ и созвавъ комитетъ, посовѣтоваться, какія мѣры должно предпринять, и сказалъ мнѣ: какъ карантинъ можетъ продолжаться нѣсколко недѣль, то я полагаю, пока мы еще не заперты, послать завтра въ городъ лодку и сдѣлать закупки того, чего здѣсь достать нельзя; пошлю надежнаго унтеръ-офицера и ежели вамъ что нужно напишите записку и съ деньгами пришлите ко мнѣ; вечеромъ лодку отправлю чтобъ чуть свѣтъ

успѣла вернуться и сдѣлать покупку. 15 числа Бутовичь собралъ у себя на квартирѣ комитетъ, назначили гдѣ поставить карантинную линію; карантины, будучи расположены по берегу Волхова, по коему ходятъ безпрерывно барки и лодки, то Бутовичь и пригласилъ меня, чтобы посовѣтоваться не могу ли я остановить работы въ штабѣ, безъ чего карантинъ былъ бы не дѣйствителенъ. Я ему сказалъ, чтобъ онъ увѣдомилъ меня офиціально о таковомъ положеніи комитета, и тогда я остановлю и донесу начальству; но Бутовичь мнѣ сказалъ, что онъ прямаго приказанія о прекращеніи работъ не получалъ, но чтобъ съ пользою выполнить предназначеніе начальства, у коего это обстоятельство укрылось изъ виду, то онъ проситъ: не могу ли я самъ этого разрѣшить, покуда онъ не донесетъ отъ себя и я не получу отъ генерала Эйлера наставленія на счетъ продолженія работъ. Пообдумавъ дѣло и, сообразя, что мнѣ будетъ можно дня на три занять людей на берегу Волхова работами, я согласился съ тѣмъ, чтобъ въ теченіи этого времени было ко мнѣ прислано рѣшительное постановленіе производить или остановить работы. Я хотѣлъ отправиться домой, но въ гостинной нашелъ собравшихся многихъ полковыхъ дамъ.

Бутовичева просила меня выпить чаю, а между тѣмъ дамы окружили меня и стали распрашивать объ чемъ толковали въ комитетѣ. Пошутивъ на счетъ ихъ любопытства, я имъ сказалъ, что меня приглашали на счетъ приготовленія гробовъ, — что ежели которая изъ нихъ умретъ, то не было бы остановки. Комитеты всегда собирались въ особенномъ домѣ; не знаю почему Бутовичу вздумалось на этотъ разъ открыть присутствіе на своей квартирѣ, а это въ послѣдствіи имѣло вліяніе на умы поселянъ.

Утромъ 16-го рабочіе были выведены и работы назначены на берегу Волхова, внѣ карантинной линіи. Осмотрѣвъ оныя, я хотѣлъ было пройти въ штабъ, но на карантинной линіи былъ остановленъ, а потому и пошелъ домой. Въ этотъ день жена моя послѣ родовъ дочери Екатерины въ первый разъ вышла къ столу. Пообѣдавъ въ 1-мъ часу, я пошелъ въ кабинетъ и уснулъ по обычаю. Проснувшись въ 3 часа, я засталъ жену сидящую подъ окномъ и занятую какой-то работой; она мнѣ очень хладнокровно сказала: — "Знаешь-ли, говорятъ во 2-й ротѣ бунтъ и Бутовичь туда поѣхалъ." — "Какой бунтъ? возразилъ я, откуда ты это знаешь?" — "Солдатъ, что при цейхаузѣ, мнѣ сказалъ," отвѣчала она. Я сей-

часъ вышелъ и отыскавъ на огородѣ означеннаго солдата, спросилъ его: „Что такое дѣлается во 2-й ротѣ?" и онъ мнѣ отвѣчалъ: что во 2-ой ротѣ поймана женщина съ ядомъ, и что Бутовичь поѣхалъ въ кабріолетѣ съ лѣкаремъ, и онъ слышалъ, будто бы тамъ лѣкаря убили, а Бутовича сѣкутъ въ два кнута. Узнавъ это и, будучи старшимъ въ округѣ, я приказалъ сей-часъ подать дрожки, пошелъ въ комнаты взять шпагу и фуражку. Не зная что происходило во 2-й ротѣ, я поѣхалъ туда. 2-я рота находилась на Московскомъ шоссе въ двухъ верстахъ отъ полковаго штаба. Проѣхавъ штабъ, я остановился подлѣ службъ госпитальныхъ и, увидѣвъ солдата, который при этомъ строеніи былъ сторожемъ, спросилъ его: "что дѣлается во 2-й ротѣ?" Онъ отвѣчалъ мнѣ, что сей-часъ проскакало нѣсколько поселянъ 4-й роты туда и кричали, чтобы всѣ скакали во вторую роту, потому, что тамъ отравляютъ. Я поѣхалъ далѣе и на дорогѣ еще меня обогнали человѣкъ 8 верхами и когда я спросилъ ихъ, куда они такъ поспѣшно скачутъ, закричали "выгонять холеру." Пріѣхавъ на площадь 2-й роты, я увидѣлъ человѣкъ 300 стоящихъ въ разныхъ кучкахъ; сойдя съ дрожекъ я подошелъ къ первой попавшейся кучкѣ и спросилъ ихъ,

"что они тутъ дѣлаютъ?" Они отвѣчали, что "выгоняютъ холеру," не снимая шапокъ. — „Гдѣ ваши начальники?" Они отвѣчали, указывая на ригу: "вонъ тамъ лежатъ." — Какъ лежатъ? — "Да такъ; положили, такъ и лежатъ; да что долго говорить, все одно племя, кладите и его: государь приказалъ всѣхъ бить, ибо какіе-то два генерала выстрѣлили по немъ на Исакіевскомъ мосту въ Петербургѣ." Видя, что дѣйствія свои они основываютъ на мнимой волѣ государя императора, я употребилъ тоже средство противу нихъ. Обращаясь къ тому, который объяснилъ мнѣ это, я сказалъ: ежели это воля государя, то конечно исполнить ее должно, но развѣ ты былъ въ Петербургѣ и самъ слышалъ какъ государь приказалъ? — на что онъ мнѣ отвѣчалъ, показывая на другаго: "вотъ онъ такъ говоритъ." Обратясь къ вновь показанному, я повторилъ тотъ же вопросъ; на что тотъ отвѣчалъ, что онъ самъ въ Петербургѣ не былъ, но слышалъ отъ проходящихъ мужиковъ на большой дорогѣ. Тогда я началъ имъ говорить, что этого еще недостаточно, и что слухъ этотъ можетъ быть ложный, что гораздо лучше было бы, когда бы они, вмѣсто того, чтобы повѣрить проходящимъ, зная меня и мое управленіе, подозрѣвая своихъ начальниковъ

въ отравленіи, обратились бы ко мнѣ какъ къ старшему въ округѣ. Не будучи прямымъ начальникомъ ихъ, я это дѣло разсудилъ бы безпристрастно, что для меня всѣ равны и я бы ихъ взялъ и посадилъ подъ арестъ, а между тѣмъ послали бы мы изъ нихъ поселянъ выбранныхъ для донесенія государю императору и, ежели начальники ихъ такіе изверги, что имѣли дерзновеніе идти противу государя и отравлять подчиненныхъ, то намъ самимъ не слѣдуетъ даже и марать рукъ своихъ въ ихъ крови — на то есть палачъ, коего государь пришлетъ казнить по дѣламъ ихъ. — Просилъ, чтобъ они выдали мнѣ всѣхъ, коихъ подозрѣваютъ, только не налагая на нихъ рукъ своихъ, ибо какая польза была бы, ежели бы они убивали виновнаго? Со смертію его потеряли бы средство открыть сообщниковъ, но что ихъ надо сохранить для допроса. Рѣчь эта успокоила поселямъ, нѣкоторые изъ нихъ начали говорить: "А что ребята, вѣдь онъ говоритъ дѣльно," другіе начали возражать и кричать чтобъ невѣрили. Толпа увеличилась человѣкъ до 1,000 и поднялся шумъ; въ это время нѣсколько негодяевъ закричали: — "Не слушайте, кладите всѣхъ на повалъ, ненадо намъ и государя!" Тогда настала рѣшительная минута. "Какъ разбойники!

Кто осмѣлился возстать на государя? Ребята, кто вѣренъ государю, кричите ура!" — и въ толпѣ закричали ура. Я приказалъ кричавшимъ ура становится ближе ко мнѣ и, вынувъ записную книжку, началъ спрашивать имена тѣхъ, кои объявили себя вѣрными государю; и ко мнѣ начали толпиться, прося чтобъ ихъ записать. Такимъ образомъ удалось мнѣ наконецъ раздѣлить бунтующуюся толпу на два раздѣла: одинъ, объявившихъ себя вѣрными; другихъ, желавшихъ убійствъ. Теперь, по крайней мѣрѣ, я могъ дѣйствовать рѣшительнѣе въ кругу первыхъ, и началъ имъ говорить, что я такъ и донесу государю, что они вѣрны ему, и что всякое буйство падетъ на непослушныхъ. Къ толпѣ моей ежеминутно прибывали, другіе поскакали назадъ въ свои деревни, непослушныхъ осталось не много, да и тѣ кричать противу государя не посмѣли. Тогда я началъ предлагать имъ, чтобы мнѣ выдали тѣхъ начальниковъ, кои лежали въ ригѣ, полагая, что они еще живы и имъ нужна помощь; но они долго не соглашались, увѣряя меня, что у нихъ положено изъ риги никого не выпустить живаго, но я, соединяя себя съ ними, сказалъ имъ: "Что за вздоръ, за чтобы вы меня вздумали убить! Вѣдь вамъ надобно же оставить человѣка, кото-

рый донесъ бы государю о всѣхъ происшествіяхъ; я будучи посторонній человѣкъ, одинъ могу написать ему правду и все, что видѣлъ и слышалъ; пойдемте въ ригу." Въ сопровожденіи толпы перешелъ я Московское шоссе къ ригамъ и тамъ увидѣлъ лежащими: полковника Бутовича въ сюртукѣ и бѣлой жилеткѣ; два ребра были выворочены, кантонистъ кидалъ ногою его эполетъ. Прикрикнувъ на кантониста, какъ онъ смѣлъ жалованные государемъ эполеты бросать съ такимъ презрѣніемъ, я приказалъ сей-часъ же пристегнуть оные къ умирающему Бутовичу и подошелъ къ нему. Бутовичъ открылъ глаза и узнавъ меня, сказалъ: — "Ахъ, Николай Ивановичь, что будетъ, когда начальство узнаетъ о всѣхъ этихъ безпорядкахъ" тутъ онъ попросилъ пить и я приказалъ принести ему воды, онъ напился и сказалъ мнѣ: — "Передайте мое благословеніе женѣ и дѣтямъ." У ногъ его лежалъ убитый штабъ лекарь, подлѣ него ротный командиръ Заблинъ; онъ былъ еще живъ и судорожно обращалъ глазами, но былъ безъ всякаго сознанія и не говорилъ. По другую сторону лежалъ Пановъ, ничкомъ, и оказывалъ жизнь храпѣніемъ. Видя, что никакой помощи оказать имъ уже нельзя и къ тому же раздался крикъ, что привезли Саур-

скаго и везутъ Султанова, я вышелъ изъ риги, чтобъ спасти ихъ и обратился къ ближайшему Саурскому; но въ разстояніи шаговъ 20 подскакалъ ко мнѣ поселянинъ со шкворнемъ отъ телѣги въ рукахъ, похваляясь, что съ разу выпустилъ духъ Саурскаго, котораго выкинули изъ телѣги и за ноги потащили въ ригу съ неистовыми воплями. Видя, что тутъ уже мнѣ нечего дѣлать, обратился я къ той толпѣ, которая кинулась на встрѣчу маіору Султанову, но его уже убили кольями и жердями отъ забора и тащили по землѣ въ ригу. Въ сихъ обстоятельствахъ, оставшись съ тѣми изъ поселянъ, кои не посмѣли, или не хотѣли участвовать въ сихъ двухъ убійствахъ, я не пошелъ уже въ ригу, но, перейдя шоссе, началъ вновь уговаривать о прекращеніи убійствъ. Извощики шедшаго въ то время обоза, бросивъ лошадей, прибѣжали и то же нѣкоторые изъ нихъ кричали: — "Не слушайте, бейте всѣхъ на повалъ; въ Петербургѣ умѣли съ ними управиться православные." Замѣчательно, что сообщеніе по московской дорогѣ не прерывалось и что пьяныхъ ни поселянъ, ни извощиковъ не было. Уговоривая поселянъ, я обѣщалъ имъ, что ежели они выберутъ отъ себя хожалыхъ, то я имъ дамъ билетъ къ самому государю императору и тогда

они могутъ разсказать лично его Величеству всѣ обстоятельства и принести свои жалобы; они сомнѣвались будуть ли допущены и нѣкоторые просили меня ѣхать съ ними въ Петербургъ, чего мнѣ сдѣлать было не возможно; не на кого было оставить какъ свое семейство, такъ и другихъ во время сихъ безпокойствъ. Между тѣмъ привели еще двухъ офицеровъ, одного завѣдывавшаго полковыми мастерскими, другаго изъ нѣмцевъ, но ихъ уже не убили, а отдали ко мнѣ подъ арестъ и объявили, что теперь остается взять командира 3 роты, капитана Соколова, который въ ротѣ своей укрѣпился. Услышавъ, что г. Соколовъ укрѣпился въ ротѣ, я полагалъ найти тутъ точку опоры, и соединившись съ нимъ, начать усмирять бунтъ. Я для того сталъ имъ говорить, что такъ какъ мы слушаемся государя, то конечно Соколовъ насъ не тронетъ и что я бы поѣхалъ къ нему и объяснилъ подробно все и съ нимъ бы пріѣхалъ къ вамъ. Многіе на сіе согласились и я приказавъ подать дрожки мои, поѣхалъ въ 3 роту, радуясь что нашелся человѣкъ, который умѣлъ сохранить команду. По шоссе были разсыпаны щебенки, а потому я поѣхалъ мимо связей, но поселяне отпуста меня черезъ минуту погнались; я скакалъ во весь духъ и выѣхалъ къ

мосту на шоссе, опередивъ на версту поселянъ, коимъ мѣшала разсыпанная на дорогѣ щебенка, а по обочинамъ прорытые водостоки. Уже 3 рота была въ виду, какъ я усмотрѣлъ толпу въ ротныхъ воротахъ. Полагая, что это Соколовъ идетъ на усмиреніе, я приказалъ пустить лошадей, но подскакавъ ближе, замѣтилъ, что человѣкъ 20 верхами ведутъ, или лучше сказать, тащатъ Соколова за веревку, привязанную за шею, а сзади и вся рота толпою. Я остановился и объявилъ имъ, что товарищи ихъ во 2-й ротѣ избрали меня своимъ начальникомъ и что они слушаются государя императора и хотятъ послать къ государю съ донесеніемъ и положили: до тѣхъ поръ, покуда возвратятся посланные изъ Петербурга не буйствовать, не убивать, а отдавать ко мнѣ подозрѣваемыхъ людей для содержанія подъ арестомъ. Времени для разговоровъ много не было; будучи стѣсняемъ спереди 3-й ротой, а сзади посланными въ догонку за мною изъ 2-й роты, я только успѣлъ приказать снять веревку съ шеи Соколова, на коей онъ задыхался.

Соединившись въ общую толпу, поселяне нѣкоторые кричали: ведите его разбойника на судбище во 2 роту, тамъ мы съ нимъ расправимся, и толпа пошла во 2 роту. Я ѣхалъ съ

ними, но предъ концомъ дороги нѣсколько обогналъ и подъѣхалъ къ оставшимся въ ротѣ менѣе буйнымъ, разсказалъ имъ, что Соколовъ идетъ къ нимъ и уговаривалъ, чтобы его не трогали, а отдали бы мнѣ подъ арестъ, или отправили бы съ тѣми, кои пойдутъ съ жалобами въ Петербургъ. Мнѣнія были разныя, кто кричалъ посадить его за желѣзную решетку, кто предлагалъ тащить въ ригу и тамъ покончить, т. е. убить. Въ то время привели Соколова, шумъ умножился, партія неистовыхъ потащила его въ ригу на убійство, моя бросилась отнимать и рвала его на гауптвахту, осыпая побоями какъ та, такъ и другая. Разъ 12 несчастный Соколовъ былъ перетаскиваемъ поперегъ шоссе, смотря которая партія одерживала верхъ, наконецъ моя партія одолѣла и безчувственнаго Соколова утащили на гауптвахту. Въ то время, когда была борьба за Соколова, я увидѣлъ унтеръ-офицера съ нѣсколькими нашивками на рукавѣ, лежавшаго ничкомъ на крыльцѣ и горько плачущаго. На вопросъ мой, о чемъ онъ плачетъ, онъ показывая на Соколова сказалъ: Что дѣлается! Убиваютъ не командира, а отца! Я началъ ему говорить, что вмѣсто того, чтобы плакать въ сторонѣ, онъ пошелъ бы лучше туда и старался уговаривать поселянъ, чтобъ его оста-

вили и отдали мнѣ. Онъ побѣжалъ туда, но не прошло двухъ минутъ, какъ пробившись съ нѣкоторыми поселянами на помощь Соколову, я увидѣлъ того же унтеръ-офицера съ коломъ въ рукѣ бьющаго его. — Что ты дѣлаешъ, не самъ ли ты мнѣ говорилъ, что онъ былъ вамъ отецъ, а не командиръ? На это онъ мнѣ отвѣчалъ: *уже видно что теперъ пора такая*, ваше высокоблагородіе, *видите что весь міръ бьетъ*, чтожъ я буду стоять такъ. Вотъ образецъ сужденій большей части людей въ такихъ случаяхъ; ихъ можно штыкомъ или пушкою. Едва я успѣлъ управиться съ Соколовымъ, какъ ко мнѣ прибѣжали нѣсколько поселянъ и со страхомъ кричали, что идетъ баталіонъ и всѣхъ перестрѣляетъ. Я обратился въ ту сторону куда показывали, и увидѣлъ, что резервный баталіонъ прилижается въ колоннѣ сомкнутой и строится около гауптвахты, впереди же маіоръ Баллашъ съ нѣсколькими человѣками — имѣвшими ружья на перевѣсъ шагахъ въ 30 отъ колонны идетъ къ намъ. Полагая что маіоръ осматриваетъ позицію, я сказалъ поселянамъ, что пойду переговорить съ маіоромъ, чтобъ не стрѣлялъ; пошелъ къ нему на встрѣчу, и подходя сказалъ: ну слава Богу что вы пришли. Но маіоръ Баллашъ мнѣ отвѣтилъ: что дѣлать, я не виноватъ ни въ чемъ,

ведутъ меня убивать. Видя, что и тутъ нѣтъ спасенія, я отправился къ баталіону и оный остановилъ, скомандовалъ издали: баталіонъ стой! Подошедши ближе я началъ говорить солдатамъ что поселяне выбрали меня надъ собой начальникомъ, что мы вѣрны государю императору, что Бутовичь убитъ и потому я, какъ старшій въ округѣ, принялъ на себя командованіе; повторилъ все то, что говорилъ и поселянамъ на счетъ офицеровъ посаженныхъ на гауптвахту, приказалъ кричать государю ура. Баталіонъ закричалъ ура; человѣкъ 6 офицеровъ были на флангамъ взводовъ по уставу.

Маіора Баллаша привели ко мнѣ обратно, но покуда я распоряжался около баталіона, поселяне побѣдивъ страхъ, начали подходить и разговаривать и одинъ схватилъ за воротъ офицера Гажмана. Баталіонъ, состоя изъ кантонистовъ и старыхъ солдатъ, выдалъ имъ своего офицера, котораго я однако успѣлъ отнять, и чтобъ утишить волненіе, приказалъ ему идти на гауптвахту. Между тѣмъ началъ я распрашивать офицеровъ въ какомъ духѣ люди, они мнѣ сказали, что старые солдаты имъ объявили, что они ихъ не тронутъ, но и защищать не будутъ; кантонисты же положили отдать ихъ своимъ отцамъ, военнымъ

поселянамъ, чтобъ дѣлали съ ними что хотятъ. Разсмотрѣвъ пристальнѣе баталіонъ, я увидѣлъ, что одной роты не достаетъ и на вопросъ гдѣ одна рота? Баллашъ мнѣ сказалъ, что она была взята Бутовичемъ и гдѣ теперь, не извѣстно. Баталіонъ этотъ пришелъ дня за два изъ лагеря и былъ поставленъ за карантинную линію въ ригахъ, и всякое сообщеніе съ семействами было прервано, это поселяло большой ропотъ. По собраннымъ справкамъ и по всему что я видѣлъ и слышалъ, я вздумалъ обезоружить кантонистовъ, и для того приказалъ старымъ солдатамъ выйти на флангъ своихъ ротъ, а кантонистамъ, поставивъ ружья въ козлы, снять аммуницію и повѣсить на штыки, самимъ же имъ идти къ отцамъ на квартиры; а старыхъ солдатъ распредѣлилъ слѣдующимъ образомъ: одной ротѣ приказалъ занять гауптвахту, другой отправиться въ штабъ, отнести съ церемоніей знамя и поставивъ на квартирѣ моей, оставить караулъ въ 30 человѣкъ, а остальнымъ людямъ 2 роты вмѣстѣ съ таковыми 3 роты занять главную гауптвахту въ полковомъ штабѣ, гдѣ находиться и маіору Баллашу со всѣми офицерами, и занявъ всѣ посты въ штабѣ сохранять полковой ящикъ. Отдавъ такое приказаніе, ружья съ аммуниціей

кантонистовъ велѣлъ я перенести въ находящуюся подлѣ гауптвахты ротную школу, а поселянамъ приказалъ выбрать по три человѣка изъ роты для отправленія въ Петербургъ съ донесеніемъ къ государю императору обо всемъ, что случилось. По отбытіи моемъ отъ баталіона, поручикъ Черницовъ хотѣлъ было нести знамя и приказалъ становиться людямъ во фронтъ, но никто не хотѣлъ слушать, знамя нести не соглашались, говоря, что оное лучше бы оставить не у меня на квартирѣ, а на гауптвахтѣ въ ротѣ; но Черницовъ не соглашался нарушить приказаніе, и какъ люди разбрелись, то онъ взявъ барабанщика и поднявъ въ одну руку знамя, а въ другую полусаблю, приказалъ ударить подъ знамена и пошелъ одинъ съ барабанщикомъ. Солдаты увидя, что знамя уносится и взвода нѣтъ, начали къ нему пристроиваться, такъ что наконецъ набралось человѣкъ 20. Тогда Черницовъ отдалъ знамя унтеръ-офицеру, въ порядкѣ пришелъ въ штабъ, и остановившись у моей квартиры, отдалъ честь знамени, и внеся въ комнаты поставилъ часоваго, а съ остальными людьми остался въ караулѣ у квартиры моей. Покончивъ съ поселянами выборъ людей, посылаемыхъ къ государю, я назначилъ имъ ротныхъ командировъ изъ числа оставшихся

офицеровъ; три роты ихъ приняли, одна не хотѣла, и сказала: что найметъ себѣ начальника, выбравъ къ тому одного унтеръ-офицера, съ обѣщаніемъ платить ему по 10 к. мѣдью съ каждаго дома въ день. Утвердивъ по необходимости этотъ выборъ, ибо для меня нужно было чтобъ кто нибудь выполнялъ мои распоряженія, я приказалъ еще назначить въ распоряженіе мое 24 человѣка верхами на лошадяхъ для разъѣздовъ и 12 человѣкъ стариковъ изъ почетныхъ поселянъ, чтобы съ ними вмѣстѣ составить комитетъ управленія подъ моимъ предсѣдательствомъ; а старый комитетъ, въ которомъ они хотѣли искать дѣло объ отравѣ и о полученныхъ будто бы отъ Поляковъ 5 милліонахъ денегъ, я для сбереженія дѣлъ и чтобы избѣжать расхищенія суммъ, приказалъ запечатать, увѣривъ ихъ, что когда все успокоится тогда я соберу отъ всѣхъ ротъ выборныхъ и при нихъ порядкомъ разберемъ дѣла и, какъ многіе желали раздѣла этихъ суммъ, то составимъ раздаточные списки и расчитавъ по скольку придется на каждаго, раздадимъ въ порядкѣ; теперь же начать его нельзя, ибо въ такомъ безпорядкѣ одинъ захватитъ много, другому ничего не достанетъ. Тутъ какой то поселянинъ принесъ ко мнѣ около 4,000 руб. асс. денегъ, объявивъ, что нашелъ ихъ

въ карманѣ у штабсъ-капитана Панова и что эти деньги, должны быть тоже полученныя отъ Поляковъ, которыя я принялъ и тутъ же отдалъ ихъ на прогоны тѣмъ, кои выбраны были ѣхать въ Петербургъ съ донесеніемъ. Въ это время капитанъ Соколовъ пришелъ въ память и не видя на гауптвахтѣ караула, ибо солдаты распораженій моихъ не слушали и кромѣ Черницова, умѣвшаго собрать взводъ къ знамени, всѣ разошлись, подумалъ, что пришло время скрыться и для того бросился бѣжать на дровяной дворъ и спрятался тамъ между дровами, но кто-то его увидѣлъ и закричалъ, тогда всѣ бросились за нимъ на дровяной дворъ и я думалъ, что его непремѣнно убьютъ, однако какъ дѣло было уже рѣшено, чтобъ ждать рѣшенія государя, то его, чтобъ имѣть свидѣтеля, оставили живымъ. Въ то время явился ко мнѣ капитанъ Носовъ. Этотъ офицеръ командовалъ прежде разными ротами, зналъ всѣхъ людей и былъ извѣстенъ каждому, онъ много мнѣ способствовалъ къ усмиренію, и я назначилъ его адъютантомъ. Приказавъ отправлявшимся въ Петербургъ пріѣхать ко мнѣ въ штабъ за билетомъ, я хотѣлъ уже отправиться домой и распустилъ поселянъ по домамъ, какъ увидѣлъ, что старшій священникъ нашъ, отецъ Лавръ, идетъ изъ Новго-

рода въ роту. Мнѣ доложили, что ѣдетъ священникъ и что его остановили, то такъ какъ и онъ членъ комитета, то не прикажу ли я позвать его, чтобъ распросить не знаетъ ли онъ о присылкѣ денегъ отъ Поляковъ.

Желая переговорить со священникомъ на счетъ обстоятельствъ и воспользаваться его знаніемъ поселянъ и вліяніемъ его духовнаго сана, я приказалъ его позвать къ себѣ; священникъ сказалъ поселянамъ, что онъ поѣдетъ ко мнѣ, но вмѣсто того ударилъ по лошади и хотѣлъ ускакать, но ему перегородили дорогу и коломъ ударивъ лошадь по головѣ, раздробили священнику руку и притащили ко мнѣ. Священникъ оторопѣвъ, началъ мнѣ оправдываться и божиться, что онъ ничего не знаетъ; чтобъ прекратить шумъ, я приказалъ ему взять изъ часовни крестъ и выйти къ поселянамъ, въ часовнѣ дверь была заперта, я приказалъ ее выломать, но какъ тамъ были только мѣстные образа, то я взявъ икону съ гауптвахты отдалъ священнику въ руки и приказалъ вынесть на крыльцо къ собравшейся толпѣ. Я началъ требовать, чтобъ они дали мнѣ присягу, что остаются вѣрными государю, и что болѣе буйствъ дѣлать не будутъ. Поселяне же потребовали отъ меня, чтобъ я самъ далъ обѣщаніе, что

я все какъ было разскажу государю. Я обѣщалъ и перекрестившись, приложился къ образу, а за мною и всѣ поселяне стали прикладываться, тутъ только я увидѣлъ, что священникъ держалъ образъ *ликомъ къ низу*. Послѣ этого я распустилъ всѣхъ и съ 24 конными поѣхалъ домой.

По прибытіи моемъ въ штабъ, я нашелъ тамъ уже одну толпу бунтовщиковъ, которая ходила по квартирамъ офицерскимъ и искала спрятавшихся офицеровъ, лѣкарей, писарей и прочихъ должностныхъ лицъ. Я разогналъ ихъ съ помощію находящагося при мнѣ конвоя, приставилъ къ комитету караулъ запечатавъ двери и учредивъ разъѣзды и патрули, отправился къ себѣ на квартиру, это было въ 11 часовъ вечера. Тутъ я нашелъ всѣхъ офицерскихъ женъ, кои узнавъ, что я усмиряю бунтъ, бросились спасаться къ моей женѣ. Здѣсь были: Бутовичева, Султа́нова, коихъ мужья были въ моихъ глазахъ убиты, всѣ окружили меня и спрашивали, что дѣлаютъ ихъ мужья и скоро ли будутъ назадъ. Я успокоивалъ ихъ сколько могъ и не сказалъ о постигшей ихъ участи. Между тѣмъ ко мнѣ пріѣхали тѣ поселяне, кои отправлялись въ Петербургъ для полученія билета. Я написалъ имъ обыкновенный видъ безъ всякой другой бумаги и отправилъ въ

Петербургъ, приказавъ взять съ собою унтеръ-офицера путей сообщенія и дѣвку, которая обличала его, что у него былъ ядъ и отъ коего, какъ я послѣ узналъ, произошла вся эта тревога. Я опасался оставить ихъ въ округѣ, чтобъ ихъ не убили, ибо толпа вновь окружила мой домъ, узнавъ, что полковая акушерка находится у меня, и которая съ почты утромъ получила письмо присланное изъ Польши. Я позвалъ нѣсколькихъ стариковъ въ комнату и сказалъ имъ, что какъ жена моя недавно родила, то и имѣетъ надобность къ акушеркѣ, а письмо полученное ее было отъ полковаго штабъ-лекаря, а ящикъ ею въ домъ мой принесенный была шкатулка съ разными вещами и высочайшими подарками, полученными ею за службу ея; они настояли, чтобъ все это имъ показано было и разсмотрѣвъ, оставили ее въ покоѣ, какъ равно и иностранца Ламона, бывшаго у меня помощникомъ въ чинѣ 10 класса.

Оставшись одинъ, я написалъ три экземпляра раппорта одинакого содержанія къ начальствующему въ городѣ, генералъ-лейтенанту Эйлеру, гдѣ, написавъ все кратко и донося, что при мнѣ нѣтъ болѣе людей, какъ человѣкъ 80, просилъ его прислать хотя одну роту, и ежели можно, помѣстить на пароходъ хотя одно или два орудія. Донесеніе

сіе послалъ я съ болѣе надежными людьми изъ мастеровыхъ 6-го баталіона по тремъ разнымъ дорогамъ. Послѣ того далъ я предписаніе командирамъ 5-го и 6-го военно-рабочихъ баталіоновъ, собравъ людей имѣющихся на лицо, явиться ко мнѣ къ 5 часамъ утра, какъ равно и начальнику лѣсопильнаго завода, подполковнику Шипову прислать всѣхъ излишнихъ людей на заводѣ въ работѣ бывшихъ. Конно-рабочую команду, снабдивъ сдѣлами фурлейтскими изъ мастерской, обратилъ въ кавалерійскій отрядъ, вооруживъ ружьями со штыками, бывшими въ мастерской въ починкѣ; приказалъ равно собраться и всей инвалидной командѣ, бывшей при домахъ, госпиталѣ и другихъ заведеніяхъ. Потомъ объѣхалъ весь штабъ и по всѣмъ дорогамъ разставилъ караулы; такимъ образомъ къ утру начали собираться ко мнѣ люди, впрочемъ не вооруженные, я приказалъ вооружить ихъ топорами и ломами. Между тѣмъ еще на разсвѣтѣ явились ко мнѣ съ дѣловаго двора 5-го рабочаго баталіона 4 человѣка съ предложеніемъ взять баталіоннаго командира и посадить его подъ арестъ, а денежный ящикъ раздѣлить по солдатамъ. Приказавъ денежный ящикъ хранить до моего приказанія, на счетъ маіора Москвина я сказалъ имъ, что по утру рано онъ

будетъ у меня, тогда я самъ распоряжусь съ нимъ, и записавъ ихъ имена отпустилъ, приказавъ исполнять всѣ приказанія, которыя будутъ получать отъ меня. Въ ту же ночь посланъ былъ уланскаго полка маіоръ Воробьевъ изъ Новгорода въ разъѣздъ, какъ скоро узнали о бунтѣ, и онъ доѣхавъ до Комкова, остановился, а самъ съ трубачемъ и двумя карабинеръ-уланами доѣхалъ до того мѣста, гдѣ убивали офицеровъ. Поселяне такъ испугались, что бросились ко мнѣ донести, что Татары наступаютъ и что они укладываются на телѣты и хотятъ удалиться въ лѣсъ.

Москвинъ не зная, что его люди тоже бунтуются, въ пять часовъ по утру пріѣхалъ ко мнѣ и, подавъ раппортъ сколько людей на лицо выйдетъ изъ его баталіона, и расчитывая на 6-ую и разныя другія команды мною собранныя, считалъ, что можетъ собраться всѣхъ человѣкъ до 600, будучи увѣренъ, что всѣ будутъ дѣлать, что прикажемъ, полагалъ взять всѣхъ зачинщиковъ и отправить въ городъ; но когда я ему сказалъ, что ночью приходили ко мнѣ съ предложеніемъ его самаго взять, онъ мнѣ не повѣрилъ, но вышелъ отъ меня, справился у приверженныхъ къ нему и тѣ ему посовѣтовали какъ можно скорѣе скрыться. Онъ возвратился ко мнѣ и просилъ совѣта, что

дѣлать. Я присовѣтовалъ ему, взявъ отъ меня бумаги къ генералу Эйлеру, а ежели его въ городѣ нѣтъ, то къ губернатору Лепферу, явиться и объяснить лично мое положеніе и просить помощи, хотя небольшой числомъ, но состоящей изъ людей, на вѣрность коихъ положиться можно, ибо люди его баталіона въ такомъ же расположеніи какъ и поселяне. Люди 6-го баталіона объявили, что противу поселянъ не пойдутъ; инвалидная команда не надежна, а люди съ пароваго завода объявили, что они отправятся обратно, ибо и въ ихъ округѣ бунтуются, а они оставили тамъ свои семейства. Москвинъ, переодѣвшись въ солдатскую шинель, отправился съ лодкой, посланной съ казенными вещами въ Новгородъ; въ лодку посадилъ свою жену, а самъ съ двумя солдатами тащилъ ее на бичевѣ, и такимъ образомъ прошелъ черезъ штабъ своего баталіона, и уже миновавъ оный, сѣлъ въ лодку, которую два раза обыскивали его же солдаты и поселяне.

Отправивъ Москвина, я вышелъ къ собраннымъ людямъ, но духъ ихъ мнѣ не показался хорошимъ, и для того, уговаривая ихъ быть послушными начальству, не дозволять поселянамъ бушевать, бить начальниковъ и быть вѣрными присягѣ и государю, я нашелъ за лучшее ихъ рас-

пустить, приказавъ быть готовыми когда потребуютъ. Не много погодя по отпускѣ рабочихъ, разъѣзды мои дали знать, что въ 3-ей ротѣ сбираются поселяне ѣхать ко мнѣ, спросить: почему я писалъ секретныя бумаги и послалъ ночью въ Новгородъ, требуя помощи; два раппорта мои были перехвачены, и черезъ полчаса явились человѣкъ полтораста верхами, съ кольями, саблями, нѣкоторые имѣли охотничьи ружья и какіе-то алебарды, откуда они ихъ взяли, этого я понять не могу, но только одна и до сихъ поръ у меня сохраняется. Они стали кричать, что ихъ обманываютъ, просятъ помощи противу нихъ. Я помолившись Богу, вышелъ на крыльцо, не зная, что отвѣчать имъ, но на первый разъ приказалъ снять шапки, сойти съ лошадей, молчать и бросить колья и ружья; послѣ того я имъ сказалъ: такъ-ли слѣдуетъ пріѣзжать къ начальнику? Чего вы хотите? Они показали мнѣ два мои раппорты и спрашивали: я-ли писалъ и почему къ немцамъ? На первый вопросъ я отѣчалъ имъ, что писалъ дѣйствительно я, но что они мужики, а не солдаты, что воинскій уставъ приказываетъ начальникамъ, кто бы они ни были, писать раппортами, но что имъ этого не понять, потому что никогда не служили и устава не знаютъ, и обращаясь

къ одному унтеръ-офицеру съ анненскимъ крестомъ и шевронами на рукавѣ, сказалъ: вотъ старый служивый такъ это знаетъ, неправда-ли старина, что начальникъ до тѣхъ поръ пока начальникъ, всегда получаетъ раппорты и честь ему отдается? Тотъ отвѣчалъ: знаю важе высокоблагородіе, да вотъ какъ я служилъ въ дѣйствующихъ и стояли въ Кіевѣ, то на главной гауптвахтѣ сидѣлъ генералъ и мы всѣ становились предъ нимъ во фронтъ, снимали шапки и говорили ваше превосходительство, а какъ потомъ пріѣхалъ маіоръ съ аудиторомъ, да прочли бумагу, то его взяли и повезли въ Сибирь. Всѣ поселяне стали извиняться передо мною, что они этого не знали, имъ показалось и Богъ знаетъ что такое, а теперь будутъ знать, и до тѣхъ поръ пока ихъ посланные не возвратятся отъ государя и не привезутъ приказанія, что дѣлать съ генераломъ Эйлеромъ, то ему должно писать раппорты. Побранивъ ихъ за подозрѣніе къ начальству, которое всегда знаетъ что нужно дѣлать, болѣе чѣмъ подчиненные, я отпустилъ ихъ. Въ тоже утро началось буйство въ округѣ гренадерскаго короля прусскаго полка; поселяне перехватили двухъ офицеровъ спасавшихся на нашемъ берегу Волхова, но уже не убили ихъ, а привели ко мнѣ на гаупт-

вахту, какъ что у меня было уже 38 человѣкъ подъ арестомъ. Часовъ въ 10 нѣсколько человѣкъ пришли мнѣ объявить, что у нихъ въ ротѣ нашлось 30 боченковъ пороху, до 300 ружей и нѣсколько ящиковъ патроновъ. и что поселяне хотятъ порохъ этотъ привезти въ штабъ и подорвать строенія. Я отвѣчалъ на это, что ежели они рѣшатся на это, то ни однаго дома ихъ не останется на мѣстѣ, а для того лучше этотъ порохъ и ружья отправить на лодкѣ въ Новгородъ, пусть тамъ дѣлаютъ съ ними что хотятъ, а намъ его не надо. Совѣтъ мой былъ принятъ, и я нагрузивъ лодку порохомъ и ружьями при запискѣ отправилъ въ Новгородъ; но въ то время на Волховѣ стоялъ пароходъ, который лодку отправилъ назадъ, и уже по вторичной моей посылкѣ порохъ приняли, но вмѣстѣ съ нимъ удержали и людей бывшихъ на лодкѣ, а это чуть мнѣ не стоило головы. Поселяне подумавъ, что я нарочно ихъ выдалъ, приступили на другой день ко мнѣ, и еслибы не знамя, бывшее въ моихъ рукахъ, которое въ случаѣ какого либо насилія я обѣщалъ жжечь, то дѣло было бы плохо. Унтеръ-офицеръ Перекопаевъ, стоявшій въ караулѣ при знамени, собравъ 30 человѣкъ, удерживалъ цѣлый день поселянъ, а къ вечеру предложилъ, взявъ денеж

ный ящикъ и знамя, пробиться на штыкахъ въ городъ. За такой подвигъ, я произвелъ его именемъ государя императора въ прапорщики, но идти въ городъ не могъ, ибо бунтовщики перебили бы всѣхъ арестантовъ и женъ и дѣтей офицерскихъ. На второй же день я приказалъ при депутатахъ со стороны поселянъ и при парадѣ изъ взвода резервнаго баталіона перенести ко мнѣ высочайше пожалованную грамоту полку на владѣніе землями и перевезти денежный ящикъ. Грамоту вынесъ изъ комитета штабсъ-капитанъ Носовъ и отдалъ унтеръ-офицеру и двумъ депутатамъ ассистентамъ со стороны поселянъ. Взводъ отдалъ честь съ пробитіемъ похода, и процессія отправилась ко мнѣ на квартиру; два караула по дорогѣ бывшіе, выходили и отдавали честь съ походомъ; на крыльцѣ моего дома, я въ сопровожденіи офицеровъ, явившихся ко мнѣ въ мундирахъ и шарфахъ, встрѣтилъ грамоту и взводъ отдалъ опять честь съ пробитіемъ похода. Грамоту унтеръ-офицеръ съ двумя ассистентами внесли къ комнату и положили на прикрытый столъ подъ знаменемъ. Послѣ сего депутаты отъ ротъ въ присутствіи офицеровъ сняли печати съ ящика и повѣрили всѣ находившіяся суммы, и сдѣлавъ опись въ 6 экземплярахъ за подписомъ

всѣхъ наличныхъ офицеровъ и 3 депутатовъ отъ каждой роты, одинъ экземпляръ положили въ ящикъ, четыре отдали депутатамъ каждой роты, а шестой я оставилъ при дѣлахъ окружнаго комитета. Денежный ящикъ заперли и запечатали кромѣ казенной печати, моею, наличныхъ офицеровъ и поселянскими, сколько могли найти у солдатъ въ то время. Поставили ящикъ у меня подлѣ крыльца и приставили часоваго.

Въ этотъ же день приказалъ я по числу убитыхъ офицеровъ сдѣлать въ мастерскихъ 8 гробовъ, но настоялъ, чтобы до 3 дня не хоронили, ибо не вѣрилъ поселянамъ и полагалъ, что они можетъ быть еще живы. Едва я кончилъ повѣрку суммъ, какъ донесли мнѣ, что въ с. Богословѣ, гдѣ назначена была дивизіонная квартира, поселяне ворвались и ломаютъ деревья и бьютъ въ оранжереѣ стекла, я сей-часъ созвалъ депутатовъ, коихъ распустилъ было по ротамъ, и сталъ имъ говоритъ, что поселяне безчинствуютъ, ломаютъ въ государевовъ саду деревья и бьютъ стекла, что это не хорошо и за это надо ихъ наказать. Депутаты мнѣ отвѣчали, что это вѣрно пьяные, вѣдь теперь иному море по колѣно, однако сей-часъ отправились и привели ко мнѣ 8 человѣкъ; я приказалъ дать имъ по 25 палокъ, и они

тутъ же ихъ наказали; когда тѣ роптали, что они же меня выбрали въ начальники и я же ихъ наказую, то депутаты говорили: на то начальникъ, чтобъ за нами смотрѣлъ; безъ начальниковъ быть нельзя, вотъ и у забора есть столбы, какъ бы ты закрѣпилъ заборъ безъ нихъ? Философія эта мнѣ весьма полюбилась, и я увидѣлъ, что народомъ управлять можно. Послѣ обѣда часовъ около 4 разъѣзды мои донесли мнѣ, что въ прусскомъ полку поселяне мучительски истребили своихъ начальниковъ и присылали узнать къ намъ въ 4 роту, кого у насъ выбрали въ начальники: имъ отвѣчали, что строителя, они поскакали обратно и выбрали отставнаго инженеръ-капитана Костирева, производителя работъ въ ихъ округѣ. Я послалъ тотчасъ же предписаніе Костиреву, чтобъ занявъ въ Собачьихъ Горбахъ паромъ военно-рабочими и учредивъ изъ конно-рабочихъ конную команду, поддерживалъ сообщеніе со мною 4 раза въ день и присылалъ свѣденія о всякомъ приключеніи; чтобы послалъ, подобно мнѣ депутатовъ къ государю съ повинною головою въ Петербургъ.

Командиръ лѣсопильнаго завода явился самъ ко мнѣ, какъ къ старшему по службѣ. Знавши, что изъ числа трехъ моихъ раппортовъ, два перехвачены, а одинъ долженъ дойти, я ждалъ еже-

часно помощи изъ города и когда наступилъ вечеръ, то я получилъ секретный конвертъ изъ отряднаго дежурства, подписанный по отсутствію генерала Эйлера, какимъ-то аудиторомъ. Дежурство дѣлаетъ мнѣ выговоръ, что ему уже въ 4 часа по полудни вчерашняго дня было извѣстно о безпорядкахъ происшедшихъ въ округѣ, но донесеніе мое получено лишь сегодня по утру въ 6 часовъ, а потому строжайше рекомендуетъ доносить ежедневно по пробитіи вечерней зари о благополучіи округа, о случившихся чрезвычайныхъ происшествіяхъ, доносить съ нарочнымъ въ то же время, и въ случаѣ несоблюденія сего, подвергнусь строжайшему взысканію по законамъ. Тутъ же узналъ я, что въ городѣ былъ совѣтъ и онымъ положено: выставить противу насъ находящіяся тамъ войска и военно-рабочую роту вооружить ружьями. Въ тотъ же вечеръ получилъ я донесеніе, что 4 человѣка помѣщика Литвинова, имѣніе коего было внутри поселенія близь 4 роты, приходили къ поселянамъ донести, что помѣщикъ ихъ бѣжалъ скрывается во ржи; взяли съ собою ихъ и пошли искать помѣщика; котораго обвиняли въ отравленіи полей, говоря, что съ нимъ помазокъ, коимъ онъ помакая въ ядъ, ходитъ по полямъ и мажетъ колосья. Отрядивъ туда силь-

ный патруль, я приказалъ разогнать поселянъ, а людей помѣщика Литвинова взять и привести ко мнѣ. Ихъ нашли уже въ господскомъ домѣ разбирающихъ бумаги въ помѣщичьемъ кабинетѣ, привели ко мнѣ вмѣстѣ съ старостою, который противился впустить ихъ въ домъ господскій. Старосту я поблагодарилъ и отпустивъ далъ ему на залогъ унтеръ-офицера и рядоваго съ открытымъ предписаніемъ, чтобъ никто не смѣлъ входить въ домъ помѣщика и обижать старосту; людей же искавшихъ помѣщика посадилъ подъ арестъ на гауптвахту.Ославъ съ вечернимъ объѣздомъ кондуктора Миллерова, находящагося при мнѣ, осмотрѣть тѣла убитыхъ начальниковъ, я отдалъ приказъ, чтобы въ субботу 18 числа ихъ похоронили, для сего назначилъ парадъ изъ всѣхъ 4 ротъ поселянъ по взводу и отъ резервнаго баталіона два взвода, однако безъ ружей. Парадомъ начальствовать приказалъ маіору Баллашу, службу производить полковому священнику Лавру, не смотря на то, что у него была перебита рука вечеромъ 16 числа, и что онъ содержался вмѣстѣ съ Соколовымъ во второй ротѣ на гауптвахтѣ. Ночью пришли изъ города два солдата военнорабочихъ и два артиллериста изъ числа войскъ выставленныхъ противъ меня, съ предложеніемъ

отъ товарищей, не прикажу ли я имъ присоединиться, то они свяжутъ своихъ начальниковъ и приведутъ ко мнѣ; записавъ ихъ имена, я приказалъ имъ быть спокойными, слушаться и исполнять приказанія своихъ начальниковъ, и при томъ сказалъ, что мы послали къ государю императору спросить, что онъ прикажетъ дѣлать и ждемъ его отвѣта. О таковой депутаціи я въ то же время послалъ записку въ городъ съ надписью: *командующему въ городѣ;* а между прочимъ узналъ, что въ 3-ью роту изъ города приходило 16 человѣкъ купцовъ и мѣщанъ и совѣщались на берегу Волхова съ поселянами. Объѣзжая на разсвѣтѣ разставленные мною посты, я замѣтилъ одного человѣка во фракѣ, и началъ кричать этому фрачнику, чтобъ онъ подошелъ ко мнѣ, но онъ ударился бѣжать по полю и скрылся во вновь строющемся строеніи. Пріѣхавъ домой я послалъ съ гауптвахты окружить и поискать его, но не нашли.

Это совѣщаніе съ мѣщанами и появленіе незнакомаго человѣка во фракѣ, побѣгъ его отъ меня, сильно меня озабочивали, къ тому же нерѣшительныя дѣйствія въ городѣ, усиливающееся буйство поселянъ и распространеніе его по другимъ округамъ, ибо 18 числа истреблены начальники въ

аракчеевскомъ полку и въ таковомъ же наслѣднаго принца прусскаго полку, а также, какъ я узналъ, что въ Старой Русѣ въ округахъ да и въ карабинерномъ полку вездѣ открылись бунты; возстаніе въ Польшѣ и въ Литвѣ. Эти обстоятельства заставили меня подозрѣвать, не приняло ли возмущеніе это характеръ политическій, и не имѣя надежды получить откуда либо помощь, я рѣшился поддерживать всѣми мѣрами уваженіе къ государю и его повѣленіямъ. Съ утра 18 числа начались наѣзды на мою квартиру, первое было по поводу задержанныхъ поселянъ отправленныхъ съ оружіемъ и прохомъ. На это я отвѣчалъ, что еслибы они не остановили моихъ сношеній съ городомъ, перехвативъ мои рапорты, то я бы ихъ вытребовалъ; второе требованіе состояло въ томъ, чтобъ идти въ Новгородъ и взять всѣхъ начальникомъ тамошнихъ, коимъ они повиноваться не хотятъ. На это былъ отвѣтъ, что какъ мы послали уже къ государю своихъ депутатовъ, то слѣдуетъ ихъ ожидать и какое приказаніе отъ государя получимъ, то и сдѣлаемъ, что хотя бы велено было идти на Петербургъ, не только на Новгородъ, то я первый сяду на коня и поведу ихъ, но что до тѣхъ поръ покуда не знаю воли императора, не приступлю ни къ чему.

Полагая, что они были научены кѣмъ либо, а можетъ и узнали о томъ, что войска новгородскія не надежны, я имъ сталъ говорить, что будучи Русскимъ, я не хочу помогать проклятымъ Полякамъ, которые дѣйствуютъ не отравами, какъ они думаютъ, а распространяя ложные слухи, бунтуютъ народъ, и тѣмъ затрудняютъ государя ихъ усмирить. Два человѣка начали спорить объ отравѣ и утверждали, что они были въ банѣ, гдѣ при ихъ глазахъ тѣ, кои пошли послѣ бани въ рѣку, лишь только вступили въ воду, то ноги почернѣли покуда хватила вода; я послалъ въ баню и велѣлъ привести этихъ людей, которымъ приказалъ снять сапоги и какъ ноги у нихъ были красныя, то я тѣхъ кои разсказывали вздоръ, приказалъ наказать розгами. Наказаны они были не много, но ето возбудило насмѣшку надъ ними. Всѣ ихъ спрашивали — "А что, братцы, какія ноги были въ банѣ?" Другіе спрашивали — "Да съ чего ты взялъ, что ноги почернѣли?" — "Эхъ, братъ, вѣдъ я не зналъ, что прикажетъ привести, да осмотрѣть, ну всѣ говорили, такъ и я туда же." Холера между тѣмъ очень усилилась и это много принесло пользы тѣмъ, что перестали толковать вздоръ, хотя въ отравленіе и вѣрили. Я узналъ, что похоронный парадъ мой не удался,

взводы не пошли, а собралась толпа; въ гробы не положили, ибо трупы окоченѣли въ неправильныхъ формахъ и въ гробы уложить было не можно; ихъ изъ гумна вытащили пожарными крючками, и бросивъ на телѣги, отвезли на кладбище, гдѣ вырывъ двѣ ямы, вбросили туда, и когда священникъ началъ отпѣвать, то много шумѣли; а по окончаніи обряда принесли капитана Соколова съ ротной гауптвахты и вмѣстѣ съ священникомъ опустили въ могилу и хотѣли зарывать живыхъ, допрашивая ихъ, что они знаютъ объ отравѣ. Соколовъ сказалъ, что ничего не знаетъ, а священникъ будучи уже засыпанъ по колѣна, отвѣчалъ имъ: "я вамъ уже говорилъ, что отравы никакой нѣтъ, а знаю только, то, что въ васъ вселился дьяволъ, будьте вы анаѳемы прокляты, отъ нынѣ и до вѣка." Эта рѣчь подѣйствовала, поселяне начали упрекать его, что и въ могилѣ онъ ругается, однако рѣшились вытащить ихъ изъ подъ могилы и посадить опять подъ арестъ, только послѣ того начали носить имъ кушанье. Депутаты прусскаго полка проѣхали чрезъ нашъ округъ въ Петербургъ и Костыревъ прислалъ ко мнѣ увѣдомленіе, что депутатовъ отправилъ. Въ этотъ день поселяне нѣсколько разъ пріѣзжали ко мнѣ съ разными требованіями

и было очень безпокойно, но наѣзды были уже малыми партіями много было и пьяныхъ.

Я упомянулъ уже выше сего, что посылалъ кондуктора Миллерова, 17 числа вечеромъ, осмотрѣть убитыя тѣла въ кабріолетѣ Бутовича и велѣлъ ему заѣхать узнать объ участи Соколова и священника Лавра; онъ возвращался черезъ 1-ую и 4-ую роты ко мнѣ въ штабъ уже очень поздно. Какая-то поселянка услышавъ ѣзду на улицѣ, выглянула чтобъ посмотрѣть кто ѣдетъ, и въ потьмахъ не разглядѣвъ кондуктора вообразила, что это ѣдетъ Бутовичь, перепугалась и сообщила своеи семьѣ. Вѣсть эта распространилась по ротѣ; другіе тоже отвѣчали, что видѣли дѣйствительно лошадь и кабріолетъ. Это навело страхъ на нихъ; два поселянина прибѣжали ко мнѣ по утру и принесли одинъ обручальное кольцо, которое онъ снялъ съ руки Бутовича, а другой съ руки капитана Саурскаго, разсказали мнѣ, что имъ цѣлую ночь не спалось и просили возвратить кольца ихъ женамъ. Также просили у меня нѣтъ ли кутьи, чтобъ отслужить панихиду — я снабдилъ ихъ двумя чашками рису; младшій священникъ Гавріилъ, къ коему я ихъ отправилъ отслужилъ панихиду и вѣсть эта начала распространяться. Я старался мнѣніе это поддерживать, даже преувели-

чивать. Ординаторъ госпиталя Гутниковъ во время нападенія 16 числа на госпиталь, откуда разобрали больныхъ и убили фельдшера, скрылся на чердакъ дома холостыхъ офицеровъ, и будучи томимъ голодомъ и жаждой, старался пробраться въ живыя комнаты, но былъ замѣченъ; поселяне стали сходиться чтобы взять Гутникова и убить. Г. Носовъ узнавъ объ этомъ, сообщилъ мнѣ, что уже человѣкъ 20 ходятъ около дома, но поджидаютъ товарищей. Я послалъ Носова съ 10 человѣками съ гауптвахты привести Гутникова ко мнѣ будто къ допросу. Его привели къ самому обѣду и я, накормивъ его и успокоивъ, отправилъ на гауптвахту. Ко мнѣ пріѣхали поселяне и стали требовать Гутникова, но стараніемъ и твердостію унтеръ-офицера Перекопаева, уже два дня стоявшаго въ караулѣ въ квартирѣ моей и при знамени, они были прогнаны; послѣ того они поѣхали въ штабъ на гауптвахту и тамъ много шумѣли, однакожъ поѣхали обратно къ себѣ въ роту.

Осматривая посты, я нарочно заходилъ къ арестованнымъ офицерамъ, чтобъ узнать ихъ нужды, тамъ предложили мнѣ проэктъ, чтобы завладѣть въ караулѣ ружьями, соединиться съ унтеръ-офицеромъ Перекопаевымъ и съ тѣми 30 человѣками, которые предложили мнѣ пробиться

на штыкахъ съ знаменемъ и денежнымъ ящикомъ, завладѣть гауптвахтой и перевести въ верхній этажъ всѣхъ женъ и дѣтей, въ нижнемъ укрѣпиться и, что насъ такимъ образомъ соединится человѣкъ до 150 и мы могли бы продержаться до тѣхъ поръ, пока придетъ помощь. Но эта мысль оказалась неудобною: 1) Потому, что по завладѣніи ружьями, сумы съ патронами остались бы на солдатахъ, которые начали бы за ружья драться, опасаясь отвѣтственности и могли бы тѣмъ поколебать и тѣхъ, кои предлагали свои услуги. 2) Къ тому же, какъ замѣтилъ маіоръ Баллашъ, когда онъ приказалъ по случаю сильной росы внести ружья подъ навѣсъ, то они всю ночь держали ружья въ рукахъ; слѣдовательно подозрѣваютъ арестантовъ и только отъ того не соединяются съ поселянами, что находятся въ караулѣ, но сильно ропщутъ и даже поговариваютъ, чтобъ взять знамя къ себѣ на гауптвахту. 3) Что собравшись въ числѣ 150 человѣкъ въ домъ, надобно припасти и продовольствіе и воду. 4) Запершись и укрѣпившись, я не имѣлъ средствъ дѣйствовать на поселянъ и приводить къ покорности. 5) Примѣръ нашъ произвелъ бы въ другихъ округахъ вновь возмущеніе, которое трудно бы было усмирить. Ежели бы можно было собраться въ

большомъ числѣ, то слѣдовало бы не запираться, но идти и усмирять силою оружія; но при этомъ надо принять во вниманіе, что въ округахъ оружіе и порохъ находятся въ большомъ количествѣ, ибо не отправлены въ городъ, что въ каждомъ кромѣ поселянъ находится по резервному баталіону и что намъ для прикритія женъ и дѣтей нужно бы было отдѣлить сильное прикрытіе, которое бы насъ ослабило, а потому благоразумнѣе остаться въ томъ положеніи, какъ есть, стараться увеличить себѣ партію, и опираясь на религію и государя, приводить постепенно къ порядку. Для того я назначилъ на другой день, 19 числа, обѣдню въ 3-ей ротѣ, ближайшей къ городу, послѣ обѣдни молебенъ съ водоосвященіемъ и съ молитвою о избавленіи отъ холеры. На молебенъ я просилъ изъ Саркова, женскаго монастыря, поднять образъ чудотворной Божіей матери и съ нимъ произвести крестный ходъ по всѣмъ ротамъ. Зная притомъ, что поселяне очень желаютъ ѣхать въ Новгородъ, я думалъ заставить ихъ покориться новгородскому начальству, и для сего припасъ отъ каждой роты по листу подписному, въ коемъ на верху было написано: "Мы поселяне такой-то роты, симъ объявляемъ, что мы послушны какъ государю императору, такъ и всѣмъ начальникамъ

и властямъ отъ него поставленнымъ." Препроводивъ сіи подписки въ роты, я объявилъ, что тѣ, кои подпишутъ этотъ листъ, получатъ отъ меня билетъ, по коему могутъ свободно ѣхать въ городъ, не опасаясь, что будутъ задержаны тамъ; но это было сдѣлано слишкомъ рано и вмѣсто пользы принесло вредъ. Начался ропотъ, стали меня упрекать, будто бы я ихъ хочу предать городскому начальству, которое и такъ задержало уже тѣхъ 6 человѣкъ, кои повезли порохъ и ружья, да и другихъ, кои были по дѣламъ своимъ въ городѣ и посадило въ острогъ, начали приступать ко мнѣ, чтобъ я выдалъ имъ ихъ товарищей, а не то они сами пойдутъ выручать и въ городѣ не оставятъ камня на камнѣ. Къ этому еще и депутаты ихъ не вернулись отъ государя; они полагали, что ихъ перехватили, начали мнѣ говорить, что теперь какъ 1-ая, такъ и прочія дивизіи во всѣхъ полкахъ перебили начальниковъ и наберется ихъ до 3,000 что пора начать дѣйствовать и что войска выставленныя противиться не будутъ. Богъ знаетъ до чего дошло бы, ежели бы крестный ходъ не показался изъ монастыря, тутъ всѣ пошли на встрѣчу на шоссе и усмирѣвъ пошли за образомъ. Я съ Носовымъ взяли образъ и понесли въ церковь, откуда священникъ Гавріилъ

вышелъ съ крестомъ и святой водой. По прибытіи въ церковь началась Литургія, послѣ коей молебенъ съ водоосвященіемъ на площади, и когда я вышелъ изъ церкви, чтобъ устроитъ все къ молебну, то увидѣлъ одиаго поселяница, пользовавшагося большимъ уваженіемъ, и во время бытности въ крестьянствѣ бывшаго головой, я подошелъ къ нему и сказалъ: "Послушай старикъ, ты человѣкъ умный и можешъ разсудить, какъ можно отравить всѣхъ? Поди ты и растолкуй имъ, они тебѣ болѣе повѣрять." Онъ мнѣ на это сказалъ: "Что тутъ говорить? для дураковъ ядъ, да холера; а намъ надобно, чтобъ вашего дворянскаго козьяго племени не было."

По окончаніи молебствія и водоосвященія, обошли мы 3-ью роту въ крестномъ ходу и кресты отправились въ другую роту, а я хотѣлъ было ѣхать въ штабъ, но былъ остановленъ вмѣстѣ съ Носовымъ поселянами, которые пришли между тѣмъ къ моимъ дрожкамъ и принесли тѣ листы, кои я хотѣлъ было ихъ уговорить подписать. Они опять начали упрекать меня въ предательствѣ, требовали, чтобъ ихъ товарищи были вытребованы изъ города. Я представилъ имъ, что ежели они не покорятся городскимъ властямъ, то я сидючи съ ними нечего не могу сдѣлать, но ежели подпи-

шутъ листы, то я съ ними поѣду въ городъ и привезу ихъ товарищей: но они никакъ не хотѣли на то согласиться и листы изорвали, хотя на иихъ и было нѣсколько подписей. Я предложилъ и другое средство чтобъ они пустили меня хотя къ аванпостамъ, выставленнымъ около Калмова для переговора съ уланскимъ начальникомъ, представляя имъ, что надобно же, чтобъ городское начальство знало, что требуемъ высылки арестованныхъ людей. Цѣль моя была уговорить командующаго начальника, чтобъ онъ не опасаясь, двинулся съ отрядомъ черезъ роту къ штабу и открылъ такимъ образомъ сообщеніе со мною и тѣмъ подкрѣпилъ меня, ибо поселяне страшно боялись уланъ вооруженныхъ пиками, и ежели бы ихъ можно было убѣдать къ этому, то бунтъ былъ бы прекращенъ тогда-же. Но они и на поѣздку мою не соглашались. Тогда видя, что ничего не помогаетъ, я разорвалъ бланки билетовъ, кои были у меня приготовлены для отпуски ихъ въ городъ, еслибы они подписали данные мною листы съ изъявленіемъ покорности начальству, снялъ съ себя шарфъ, шпагу, эполеты и объявилъ имъ, что болѣе быть ихъ начальникомъ не хочу, и что послѣ этого пусть дѣлаютъ что хотятъ а я уже истожился доказывать имъ о невозможности

выполнить ихъ требованія, именно потому, что начальство городское не можетъ знать ихъ желанія, когда они писать меня не допускаютъ, ѣхать для объясненія тоже, и сами боятся идти, чтобъ не задержали. Послѣдній же имъ мой совѣтъ былъ, чтобы сидѣли смирно и ожидали пріѣзда ихъ депутатовъ изъ Петербурга. Поселяне посмирнѣли, разошлись по сторонамъ и дорога очистилась; я сѣлъ на дрожки и подозвалъ Носова, который также какъ и я уговаривалъ, пригласилъ его садиться со мною, и видя что дорога свободна приказалъ шагомъ ѣхать къ штабу. Человѣкъ 12 пошли за нами, другіе остались толковать между собою, дорогой мы повторили все, что было уже сказано. Отдѣлившись отъ толпы и проѣхавъ ротныя ворота, я приказалъ прибавить шагу лошадямъ, и когда провожавшіе начали отставать, я приказалъ ѣхать рысью и такимъ образомъ доѣхали до штаба.

Пріѣхавъ домой я узналъ, что знамя съ квартиры моей взято; новый караулъ, смѣнивъ Перекопаева, простоявшаго двое сутокъ, самовольно взявъ знамя, равно смѣнивъ часоваго у денежнаго ящика, присоединился къ главной гауптвахтѣ, а ящикъ и грамоту оставили безъ часоваго. Въ бытность мою въ 3-ой ротѣ на молебнѣ, пріѣзжали нѣсколько поселянъ къ главной гауптвахтѣ и

взбунтовали тѣхъ резервныхъ, кои съ маіоромъ Баллашомъ тамъ находились. Нѣсколько поселянъ короля прусскаго полка, пріѣхавъ къ пороховому заводу, кричали на нашу сторону, чтобъ подали имъ лодку, жена же моя приказала весла спрятать въ сарай, но деньщикъ мой вынесъ весла и не смотря на запрещеніе перевезъ 4 поселянъ, кои прибывъ ко мнѣ на квартиру, требовали выдачи тѣхъ двухъ офицеровъ, которыхъ наши привели ко мнѣ и я приказалъ посадить ихъ на гауптваху; на это жена моя отвѣчала, что меня нѣтъ дома, а безъ меня никто отпустить не можетъ. Они пошли къ гауптвахтѣ, но и тамъ ихъ не дали. Пошумѣвъ немного, они пошли опять къ лодкѣ и поѣхали одни уже на ту сторону Волхова. Еще узналъ я, что поручица Бутлеръ съ младенцомъ сыномъ умерла отъ холеры, а маіорша Кутузова заболѣла холерою, и когда мужъ ея, бывшій подъ судомъ подавалъ ей помощь, то деньщикъ его привелъ поселянъ человѣкъ 8, кои схватили Кутузова и желѣзнымъ шкворнемъ ранивъ его въ руку, потащили на гауптвахту, за то, что деньщикъ имъ сказалъ, будто бы онъ говорилъ, что давно пора всѣхъ поселянъ перевѣшать. Маіоръ Кутузовъ былъ подъ судомъ съ 4 ротными своими командирами и адъютантомъ за безпорядки въ

баталліонѣ и судился не арестованнымъ. Еще былъ подъ судомъ и содержался на гауптвахтѣ штабсъ-капитанъ Левицкій, за то, что получивъ по мнѣнію его несправедливый выговоръ, подалъ раппортъ и просилъ отмѣнить приказъ. Всѣ они были уже нѣсколько лѣтъ подъ судомъ. Еще на гауптвахтѣ содержались 8 человѣкъ тоже бывшихъ подъ судомъ, одинъ за фальшивую пріемку провіанта на небывалую роту; одинъ за 4 побѣгъ; остальные судились за меньшія преступленія. Нѣсколько разъ военные поселяне выпускали ихъ изъ подъ караула и предлагали идти по домамъ, но никто не хотѣлъ воспользоваться симъ случаемъ; особенно 19 числа вечеромъ, когда поселяне распустили караулъ и маіора Баллаша прогнали съ гауптвахты со всѣми бывшими при немъ офицерами, оставивъ только нѣсколько человѣкъ изъ кантонистовъ караульныхъ при посаженныхъ мною офицерахъ. Еще послѣ обѣда пришли ко мнѣ на квартиру нѣсколько человѣкъ и хотѣли взять денежный ящикъ и высочайшую грамоту. Часовыхъ не было, я нарочно надѣлъ халатъ и вышелъ къ нимъ уже не какъ начальникъ, а какъ житель и сказалъ, что конечно лучше взять эту государеву собственность, чѣмъ оставлять безъ часовыхъ и подвергать расхищенію, ибо я ночью

буду спать и смотрѣть не буду какъ болѣе не начальникъ ихъ, да и высочайшая грамота валяется теперь въ частномъ домѣ, и ежели случится, Боже избави, пожаръ, то сгоритъ, а я сложивъ съ себѣ начальство, не осмѣлюсь коснуться оной; просилъ чтобъ прислали за ней того, кого они избрали вмѣсто меня. Поглядѣвъ на грамоту они не тронули ее, а пошли къ денежнему ящику и хотѣли тащить его на гауптвахту, но оставили и пошли въ штабъ.

Въ 6 часовъ человѣкъ до 100 пріѣхали ко мнѣ на квартиру и стали требовать отъ меня отвѣта, почему ихъ депутаты не возвратились и взяты еще два человѣка изъ поселянъ, кои хотѣли было тайно пробраться въ городъ, чтобы разузнать гдѣ ихъ товарищи содержатся. На это я отвѣчалъ, что депутаты посланы къ государю, притомъ-же, когда у меня въ передней ожидаютъ они часа по два, то такъ же они могутъ расчитывать часы и назначать сроки государу императору; на счетъ же взятыхъ двухъ человѣкъ, я предлагалъ имъ по утру для подписи листы, разосланные мною по ротамъ о послушаніи ихъ, но какъ они не согласились и билетовъ отъ меня брать не хотѣли, то чтобъ теперь и не пѣняли отъ чего ихъ задерживаютъ. Пошумѣвъ немного, они поѣ-

хали обратно. Между тѣмъ я получилъ отъ своихъ конно-рабочихъ разъѣздовъ извѣстіе, что поселяне 2-ой роты собрались выбирать себѣ начальника, избрали между собой одного, но другіе старые солдаты рѣшительно объявили, что они лопатника, мужика слушать не будутъ, а хотятъ, чтобъ выбрали коло-либо изъ служившись государю, да къ тому же чтобъ такого, который проливалъ кровь свою за вѣру и царя; лучше слушаться заслуженнаго человѣка, ходившаго въ походы, чѣмъ земскаго мироѣда. Началась драка, раздѣлились на двѣ партіи, поселяне нетерпѣли старыхъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ, бывшихъ ихъ учителями, кричали, что у нихъ есть свои головы, которые умѣли говорить съ исправниками и губернаторами. Унтеръ-офицеры и къ нимъ приставшіе кантонисты, произведенные въ унтеръ-офицеры, говорили, что лучше явяться къ старымъ начальникамъ, чѣмъ будутъ слушаться лопатника, мужика и начали выбирать депутацію ко мнѣ, чтобы я опять принялъ командованіе. Поселяне увидѣвъ это, бросились ко мнѣ, и прискакавъ въ числѣ 200 человѣкъ, требовали, чтобъ я не принималъ команды. Я вышелъ къ нимъ въ халатѣ, и выслушавъ ихъ, сказалъ: "Вы видите, что я и самъ не хочу вами командовать, вы

бунтовщики, непокорны государю, и такъ отвѣчайте сами за себя." Солдатамъ сказалъ: "можно-ли въ такомъ положеніи принять команду? Ежели вы этого желаете, то соберитесь вмѣстѣ, приходите сюда въ амуниціи и съ хлѣбомъ на два дня, тогда я васъ возьму подъ свою команду, но съ условіемъ, что за всякое непослушаніе будетъ взыскано примѣрно. Подумайтн, хорошо-ли, что ваше знамя стоитъ на гауптвахтѣ и денежный ящикъ безъ часоваго? Вами одолѣли нѣсколько мужиковъ и ихъ дѣти кантонисты. Идите, скажите мои слова вашимъ товарищамъ старымъ служивымъ и приходите ко мнѣ скорѣе съ ружьями и амуниціей; мы заставимъ этихъ мужиковъ слушаться. Они отправились домой, но поселяне долго бушевали въ штабѣ; пришли на главную гауптвахту и кантонисты, взошли безъ сопротивленіа въ солдатскую арестантскую и выгнали оттуда арестанттовъ, но тѣ не соглашались оставить гауптвахту, сказавъ имъ: "что они паходятся подъ судомъ и не мугутъ уйти," и когда ихъ вытолкали силою, они перешли въ караульню. Послѣ сего поселяне и кантонисты взошли въ офицерскую арестантскую комнату и перевели арестованныхъ офицеровъ въ солдатскую арестантскую комнату, говоря имъ: "полно вамъ тутъ

чай попивать, идите-ка за желѣзныя рѣшетки;" и силою погнали всѣхъ туда. Бывшій подъ судомъ капитанъ Левицкій, одинъ воспротивился, сказавъ имъ, что онъ находится подъ судомъ и его никто не осмѣлится отсюда перевести, въ противномъ случаѣ онъ убьетъ перваго, кто къ нему подступитъ. Левицкій будучи долгое время подъ судомъ, объзавелся хозяйствомъ, подѣлалъ къ окнамъ занавѣсы и имѣлъ для колотья сахару обломокъ чугунной рѣшетки. Этотъ кусокъ онъ спряталъ въ карманъ шараваръ и выхвативъ оный, сказалъ: "подступись кто нибудь, убью какъ собаку." Поселяне вышли произнося разныя ругательства, а Левицкій заперъ дверь и укрѣпилъ оную половою щеткой и черешневымъ чубукомъ, а у окошекъ задернулъ занавѣски. Вышедшіе поселяне пошли къ остававщимся на плацформѣ и на улицѣ, и разсказали имъ, что всѣхъ перевели, а остался одинъ такой разбойникъ, что чуть ихъ всѣхъ не перебилъ, выхвативъ пистолетъ изъ кармана.

Посовѣтовавшись, они раздѣлились на двѣ части, однимъ чтобы напасть на дверь, а другимъ на окна. Левицкій все это слышалъ изъ за занавѣски, и когда приступили къ окнамъ и дверямъ, то онъ ставъ на табуретъ ударилъ чугунной

колотушкой въ раму, и соскочивъ съ табурета, ударилъ въ дверь и закричалъ: "прочь негодяи, всѣхъ разстрѣляю." Вся толпа бросилась отъ гауптвахты бѣжать къ своимъ лошадямъ, начали ругаль Левицкаго, называя его разбойникомъ, и объявили, что завтра пріѣдутъ съ веревками и всѣхъ перевѣшаютъ. Потомъ сѣли на лошадей и поѣхали по домамъ въ роты; остались нѣсколько человѣкъ менѣе шумливыхъ и начали разсуждать, что дѣло сдѣлали не ладно, ибо и маіора Кутузова посадили за желѣзную рѣшетку, "вѣдь это не то, что простой офицеръ, чтобъ за него послѣ не отвѣчать." Пошли на гауптвахту, переговорили съ караульными и вошли въ арестантскую, гдѣ всѣ по тѣснотѣ стояли и сказали Кутузову: "извините ваше высокоблагородіе, мы въ потьмахъ не разглядѣли, а вамъ сидѣть здѣсь не мѣсто, извольте перейти въ офицерскую комнату;" и очень учтиво перевели его къ капитану Левицкому. Узнавъ объ этихъ происшествіяхъ я пошелъ на гауптвахту и началъ говорить караульнымъ, какъ они смѣли допустить поселянъ къ арестантамъ и пригласилъ ихъ перейти въ офицерскія комнаты. Переговоривъ съ офицерами, положили защищаться до послѣдняго; для этого собравъ надежныхъ изъ военно-рабочихъ человѣкъ 12 и вооруживъ ихъ

8 ружьями, которыя отобралъ у конно-рабочихъ, приказалъ для усиленія караула стать вмѣстѣ съ резервными ненадежными людьми и не допускать поселянъ къ арестантамъ, что подтвердилъ и кантонистамъ; но обезоружить ихъ не могли. Цѣлую ночь всѣ держали ружья въ рукахъ. Офицерамъ мнѣ удалось доставить 4 маленькихъ заряженныхъ пистолета, 2 кинжала и 2 топора, все это отдалъ маіору Кутузову и приказалъ принять надъ ними начальство. Левицкаго по его пылкости вооружить *не смѣлъ.*

Пришедши домой, я послалъ разъѣзды подъ командою капитана Носова и ротныхъ командировъ невскаго баталльона, Абрамова, Ассева и и поручика Стерлинскаго, для того, что ежели увидятъ старыхъ солдатъ, которые избирали имъ меня въ начальника, то чтобъ не ожидая сбора, направили ихъ частями поспѣшнѣе ко мнѣ для занятія караула при знамени, грамотѣ и денежномъ ящикѣ. На разсвѣтѣ пріѣхалъ разъѣздъ изъ 1-ой роты и увѣдомилъ, что депутаты изъ Петербурга возвратились и первая тройка какъ только прискакала, налачи будить поселянъ дла собранія на сходку. Слѣдомъ прискакала и другая въ 4-ую роту и разъѣздъ сей же часъ меня увѣдомилъ, узнавъ отъ поселянъ, что наши были у

государя и вернулись благополучно. Часовъ въ пять утра съ передоваго поста отъ 4-ой роты донесли мнѣ, что нѣсколько троекъ скачутъ къ штабу и черезъ нѣсколько минутъ явились 12 человѣкъ депутатовъ посыланныхъ въ Петербургъ. Я вышелъ къ нимъ и спросилъ, благополучно ли ѣздили и видѣли ли государя императора. Тогда они начали говорить, что ѣздили благополучно и въ Ижорѣ государь къ нимъ пріѣзжалъ изъ Царскаго Села, разговоривалъ съ ними и будто бы похвалилъ ихъ, сказавъ: — Спасибо ребята, что вы тамъ за меня постояли, поѣзжайте домой, а я пришлю графа Орлова разобрать дѣло. Но одинъ изъ молодыхъ унтеръ-офицеровъ, сдѣлалъ мнѣ знакъ глазами, чтобъ я вышелъ на улицу; поговоривъ еще нѣсколько съ депутатами которые мнѣ донесли, что 12 кои были въ билетѣ вписаны отправлены обратно, а 13-ый который самъ вызвался ѣхать, говоря, что все выбрали дураковъ, тамъ задержали, и просили чтобъ я его выручилъ; я имъ сказалъ, что они теперь сами видѣть могутъ, что и ихъ бы задержали безъ моего билета, желая имъ показать важность начальства. Приказавъ имъ подождать въ комнатѣ, покуда я напишу записки къ принятію графа Орлова, вышелъ къ себѣ заднимъ

крыльцомъ на дворъ и велѣлъ привести того унтеръ-офицера, который дѣлалъ глазами знакъ мнѣ. Тотъ мнѣ сказалъ: "Не вѣрьте, ваше высокоблагородіе, государь насъ принялъ въ Ижорѣ и бранилъ, какъ смѣли убить начальниковъ, и когда ихъ спросилъ, кто же теперь ими командуетъ, они сказали что строитель. Государь спросилъ, кто это такой, и какой-то адъютантъ сказалъ: подписался инженеръ подполковникъ Панаевъ. — Тогда государь велѣлъ отправить ихъ на курьерскихъ обратно и приказалъ сказать поселянамъ, чтобы слушались васъ во всемъ, что будете приказывать и что слѣдомъ за нами поѣдетъ графъ Орловъ съ дальнѣйшими приказаніями." Выслушавъ это, я приказалъ кондуктору написать записку въ роты чтобъ всѣ поселяне къ 10 часамъ были одѣты по формѣ и прибыли въ штабъ съ кантонистами старшаго возраста; въ селеніяхъ улицы и тротуары были вычищены и когда графъ будетъ ѣхать, чтобы старики и поселянки съ кантонистами меньшаго возраста и дочерьми вышли по обычаю передъ крыльцы, какъ принимали своихъ начальниковъ. Самъ же я поѣхалъ на встрѣчу на станцію. Поселяне по отъѣздѣ моемъ послали на двухъ тройкахъ 4 человѣка депутатовъ, кои догнавъ меня объявили, что поселяне прислали ихъ быть

при объясненіи моемъ съ графомъ. Чрезъ полчаса пріѣхалъ фельдъегеръ для заготовленія лошадей графу, а черезъ часъ и самъ графъ Орловъ. Я встрѣтилъ его у коляски и подалъ раппортъ о состояніи округа. Принявъ оный, онъ спросилъ мою фамилію и приказалъ идти на верхъ въ комнату проѣзжающихъ; поселяне хотѣли было за нимъ слѣдовать, но графъ сказалъ мнѣ, что хочетъ говорить со мною однимъ. Я обернулся къ нимъ и послалъ ихъ по ротамъ объявить, что графъ пріѣхалъ и чтобъ поселяне становились по своимъ мѣстамъ и они поскакали назадъ. Его сіятельство распросивъ меня обо всѣхъ обстоятельствахъ, сказалъ мнѣ, что *не лучше-ли будетъ пріѣхать изъ Новгорода*, но я ему представилъ, что я, не будучи утвержденъ, располагаю сдѣсь 4 дня именемъ государя и, такъ какъ депутаты наши вернулись сегодня и увѣдомили уже своихъ товарищей, что государь его пришлетъ, то буйства и опасности никакой быть не можетъ, и, какъ они у меня стоятъ уже болѣе 3 часовъ во фронтѣ, его ожидая, то и просилъ его сіятельство неоткладывать своей поѣздки въ округъ: объявить имъ волю государя, а также въ присутствіи поселянъ приказать мнѣ немедленно отправить всѣхъ арестантовъ въ городъ къ нему за конвоемъ, ибо

до тѣхъ поръ, покуда они на моихъ рукахъ, то я не могу отвѣчать за ихъ цѣлость. Равно просилъ его чтобъ приказалъ и знамя возвратить ко мнѣ на квартиру. Графъ приказалъ мнѣ ѣхать впередъ и, собравъ людей на площади, ожидать его. По пріѣздѣ моемъ въ штабъ я привелъ 6 почтовыхъ лошадей, чтобъ покуда графъ и я будемъ на площади, семейство мое могло выѣхать въ городъ, но не имѣя времени заѣхать домой, я не сказалъ женѣ моего ряспоряженія, а она сама не рѣшилась на это. Графъ Орловъ пріѣхалъ, говорилъ съ поселянами, прочелъ печатный приказъ государя императора, котораго экземпляры онъ привезъ съ собою изъ Петербурга. Когда поселяне во фронтѣ начали приносить ему свои жалобы и оправданія, то онъ приказалъ, чтобъ они молчали и выслали бы къ нему по два человѣка изъ роты. Съ сими людьми онъ много разговаривалъ и, приказавъ написать все это на записку, отдать мнѣ для доставленія къ нему въ г. Новгородъ. Объявивъ поселянамъ, что по высочайшему повелѣнію онъ назначаетъ меня начальникомъ ихъ округа, вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ, знамя перенести ко мнѣ на квартиру, а арестантовъ за сильнымъ конвоемъ отправить въ Новгородъ въ крѣпость и самому прибыть къ

нему съ объясненіемъ и запиской поселянъ о претензіяхъ ему объявленныхъ. Подтвердивъ именемъ государя, чтобъ меня слушались и мною поставленныхъ начальниковъ почитали, хотѣлъ было ѣхать; но въ то время доложили мнѣ, что прибыли депутаты изъ короля прусскаго полка; я доложилъ графу, и онъ принявъ ихъ, повторилъ въ кратцѣ то же, далъ экземпляръ приказа и сказавъ, что изъ Новгорода пріѣдетъ къ нимъ, отправился въ городъ. Я приказалъ собрать сколько было въ округѣ экипажей, усадивъ и уложивъ въ нихъ избитыхъ и здоровыхъ офицеровъ всего 38 человѣкъ, съ конвоемъ отправилъ въ городъ, представивъ въ начальники инвалиднаго офицера изъ солдатъ, коему приказалъ строжайше, дорогой сохранить въ цѣлости и по пріѣздѣ въ Новгородъ здать бы графу Орлову. Отобравъ написанныя поселянами показанія и принявъ знамя въ свою квартиру, я отправился и самъ въ городъ, но семейства моего поселяне не отпустили. Обогнавъ арестантовъ, явился я къ генералу Эйлеру и грагу Орлову и, отдалъ ему записки съ претензіями поселянъ. Графъ прочелъ ихъ и спросилъ меня на счетъ Левицкаго, объ коемъ они жаловались ему лично и писали въ запискѣ, что онъ не хотѣлъ ихъ ни въ чемъ слушать и, когда

они всѣхъ посадили за желѣзную рѣшетку, то онъ не хотѣлъ туда идти, а когда хотѣли посадить силою, то онъ выхвативъ изъ кармана штуку, да какъ махнетъ онсй, то они всѣ бѣжали; къ тому же этотъ разбойникъ Левицкій извѣстенъ уже всѣмъ, да и судъ съ нимъ уже три года ничего сдѣлать не можетъ. Графъ спросилъ меня за что онъ подъ судомъ, и когда я объяснилъ, то онъ приказалъ мнѣ уволить его изъ подъ ареста и по недостатку въ офицерахъ употребить на службу, равно приказалъ ему. Выхлопотавъ объ освобожденіи изъ острога тѣхъ поселянъ, которыхъ взяли при доставленіи пороха и оружія и коихъ захватили въ городѣ, я двоихъ изъ нихъ взялъ съ собою на дрожки и привезъ къ удовольствію поселянъ, объявивъ имъ, что и остальные всѣ идутъ пѣшкомъ. Это произвело сильное впечатлѣніе и довѣріе ко мнѣ. Но сознанія въ несправедливости и беззаконности ихъ поступковъ въ то время не было еще.

Въ этотъ вечеръ прибывшіе изъ ротъ за приказаніями ко мнѣ, доложили, что казенная рожъ поспѣла и пора жать, да и Тимофѣева трава тоже, то спрашивали, *не нарядить-ли* жать и вдовъ оставшихся послѣ убитыхъ начальниковъ вмѣстѣ съ поселянками. Объяснивъ имъ, что этого безъ

воли государя сдѣлать нельзя, я имъ отказалъ и приказалъ жать поселянкамъ. Графъ Орловъ, между прочимъ сказалъ мнѣ: — Государю угодно, чтобъ поселяне были доведены до того, чтобъ отслужили по убіеннымъ панихиды. Я зналъ, что нѣкоторые поселяне находятся въ тревожномъ состояніи и, зная ихъ суѣверіе, посредствомъ приверженныхъ ко мнѣ солдатъ началъ распространять слухи, что и многимъ является во снѣ Бутовичь и лѣкарь, другимъ Забѣлинъ или Пановъ, къ тому же многіе и безъ того было увѣрены, что Бутовичь ѣздитъ по ночамъ въ кабріолетѣ, видѣвъ моего кондуктора; я распространилъ слухъ, что будто проходилъ обозъ и видѣлъ на кладьбище большой свѣтъ, и на другой же день вѣсть эта была повсемѣстна. Наконецъ 23 числа поселяне пришли ко мнѣ съ донесеніемъ, что многимъ чудится надъ могилами убитыхъ офицеровъ свѣтъ, а другимъ ночью дѣлаются представленія, и просили меня чтобъ отслужить панихиду; обрадовавшись желанію ихъ, я на другой день послалъ пригласить Вяжицкаго Монастыря Архимандрита Меѳодія, чтобъ прибылъ въ округъ отслужить панихиду, но онъ послалъ въ городъ спросить дозволеніе у архіерея Тимофея, викарія Новгородскаго. Я самъ поѣхалъ въ Новгородъ доложить

о семъ графу, преосвященный Тимофей, узнавъ что я въ городѣ, послалъ пригласить меня къ себѣ и сказалъ мнѣ: "Для чего вы не отнеслись ко мнѣ? я самъ съ величайшимъ удовольствіемъ почтилъ бы память страдальцевъ этихъ." Я доложилъ, что не смѣлъ его безпокоить, но ежели онъ на сіе соизволяетъ, то прошу его назначить день, и онъ назначилъ 26 число по утру въ 11 часовъ.

Въ назначенный день я приказалъ 2-ой ротѣ собраться въ колоннахъ всѣмъ военнымъ поселянамъ, кантонистамъ и резервному баталіону въ 10 часовъ. По прибытіи преосвященнаго, онъ облачился въ часовнѣ, и спрашивалъ меня о положеніи умовъ поселянъ и ихъ раскаяніи, но я не могъ его утѣшить ни чемъ хорошимъ и, когда онъ вышелъ въ присутствін пѣвчихъ на площадь и принесли блюдо съ кутьей и свѣчи начали раздавать поселянамъ — то произошелъ ропотъ. Не смотря на оный я приказалъ, чтобъ зажженыя свѣчи были у всѣхъ въ рукахъ и началась панихида. Когда же иродіаконъ началъ возглашать на иктиньѣ о убіенныхъ рабахъ Божіихъ такихъто, преосвященный остановилъ его и громко приказалъ читать о невинно убіенныхъ рабахъ Божіихъ, въ колоннахъ начался шумъ и діаконъ смутился, но преосвященный повторилъ приказаніе

читать о невинно убіенныхъ и діаконъ продолжалъ по приказанію преосвященнаго. Окончивъ панихиду, преосвященный приказалъ подъ святой воды и спросилъ меня, гдѣ погребены избіенные, но узнавъ, что при церкви, полторы версти отсюда, приказалъ показать мѣсто, гдѣ они были убиты и сказавъ поселянамъ краткое увѣщаніе покуда ходили за святой водой, заключилъ: "Кровь невинныхъ вопіетъ на васъ предъ Господомъ, пойдемъ окропимъ святой водой мученническую кровь ихъ и освятимъ мѣсто осквернённое беззаконіемъ вашимъ —" пошелъ на шоссе и на тѣ мѣста, гдѣ были убиты Саурскій и Султановъ и окропивъ ригу, гдѣ лежали убитые, служилъ литію; по возглашеніи вѣчной памяти, ропотъ поселянъ дошелъ до крайности, стали кричать," какіе невинные, они отравляли насъ —" и начали угрожать архіерею. Видя это я приказалъ подать карету преосвященнаго на шоссе и, посадивъ его въ полномъ облаченіи, отправилъ въ городъ, а самъ съ дьякономъ и пѣвчими архіерейскими пошелъ къ кутьѣ поминать представившихся и потомъ отправилъ ихъ въ городъ. Покуда служили панихиду, пріѣхалъ фельдъегеръ изъ города съ приказаніемъ отъ графа Орлова, что государь императоръ въ 2 часа будетъ въ округѣ, и для

того, чтобъ я собралъ поселянъ въ экзерцир-гаузѣ.

Такъ какъ было уже около полудня и поселяне были всѣ собраны, то я приказалъ имъ слѣдовать въ штабъ прямо и выстроиться въ манежѣ. Тутъ поселяне пришли мнѣ сказать что у нихъ нѣтъ хлѣба и соли, чѣмъ встрѣтить государя, а какъ испѣчь теперь уже нѣкогда, то не взять-ли круглыхъ кренделей, да сотоваго меду. Я утвердилъ ихъ предположеніе и приказалъ выбрать отъ себя депутатовъ, кои встрѣтили бы государя императора со мною у коляски и стоя на колѣнахъ, просили прощенія. Для чего они нарядили 6 человѣкъ. Стоявшимъ въ манежѣ поселянамъ во фронтѣ я приказалъ какъ только увидимъ государя, снявши шапки стать всѣмъ на колѣни. Младшему священнику отцу Гавріилу растворить двери въ церкви и быть въ полномъ облаченіи со крестомъ и святой водой, царскіе двери въ алтарь растворить и вынести на налоѣ въ экзерциргаузъ Евангеліе и знамя военныхъ поселянъ. Я полагалъ, что государь императоръ прикажетъ ихъ привести къ присягѣ, для того приказалъ на налоѣ положить и форму оной. Около 2 часовъ государь императоръ съ графомъ Орловымъ прибылъ въ штабъ императора австрійскаго

полка; я встрѣтилъ его величество у рѣшетки между церковью и гошпиталемъ, подалъ раппортъ о состоянiи округа, государь принялъ отъ меня рапортъ о состоянiи округа, и увидѣвъ, что 8 человѣкъ показаны въ командировкѣ (до исключенiя такъ показывались убитые) сказалъ мнѣ: "это въ дальней!" потомъ вышедъ изъ коляски, поцаловалъ меня и изволилъ сказать: "Спасибо старой сослужевецъ, что ты здѣсь не потерялъ разума, я этого никогда не забуду." Погомъ увидѣвъ, стоящихъ на колѣнахъ поселянъ съ хлѣбомъ и солью, сказалъ имъ: "Не беру вашего хлѣба, идите и молитесь Богу." Вошедъ въ экзерциргаузъ и, взглянувъ на стоящихъ поселянъ, коимъ маiоръ Баллашъ скомандовалъ: шапки долой, прошелъ въ церковь; я слѣдовалъ за нимъ. Священникъ встрѣтилъ съ крестомъ и съ кропиломъ. Государь приложился ко кресту и былъ окропленъ святою водою и изволилъ слѣдовать въ алтарь, гдѣ и началъ говорить со священникомъ на счетъ нравственнаго положенiя поселянъ: священникъ замялся, и государь обратился ко мнѣ. Войдя въ алгарь, я доложилъ, что по мнѣнiю моему искренняго раскаянiя въ нихъ нѣтъ, но дѣйствуетъ суевѣрiе и страхъ, что еще сегодня преосвященный былъ здѣсь и служилъ панихиду

объ убіенныхъ, но они проводили его съ ропотомъ. Государь выходя изъ церкви сказалъ священнику: "служите." Не будучи пріуготовленъ къ сему приказанію и не имѣя при себѣ церковнослужителя или пѣвчихъ, священникъ началъ прямо: Господу помолимся — и самъ запѣлъ: — Господи помилуй! О благочестивѣйшемъ, самодержавнѣйшемъ, великомъ государѣ нашемъ Николаѣ Павловичѣ, Господу помолимся! Въ это время пѣвчій изъ военныхъ поселянъ, стоявшій во фронтѣ на колѣняхъ, вдругъ вскочилъ съ колѣней, побѣжалъ къ священнику и на бѣгу началъ пѣть: — Господи помилуй! Послѣ окончанія всей эктиньи, государь приказалъ мнѣ командовать: накройся, вставай, справа и слѣва кругомъ заходи. Потомъ приказалъ еще вздвоить ряды и началъ имъ говорить: — Какъ смѣли вы возстать противъ меня? И когда поселяне отвѣчали, что они противъ него не возставали, то государь сказалъ имъ: "Вы убили своихъ начальниковъ, Богомъ и мною надъ вами поставленныхъ, это все равно, что вы подняли руку свою на меня!" Потомъ говорилъ имъ, что это болѣзнь посланная Господомъ за наши грѣхи, что и самъ онъ потерялъ брата отъ сей болѣзни, а потому надо съ кротостію переносить волю Господню и, увидѣвъ

одного унтеръ-офицера съ Аннинскимъ крестомъ и двумя медалями подозвалъ къ себѣ, какъ равно и всѣхъ кавалеровъ тутъ бывшихъ; обращаясь къ нимъ сказалъ: "Васъ-ли я вижу? и вы живы всѣ?" Аннинскій кавалеръ, котораго государь перваго подозвалъ, отвѣчалъ: "Слава Богу, ваше величество, Богъ помиловалъ!" Но государъ сказалъ ему и прочимъ кавалермъ: "Молчи, и не срами Бога; вы, кавалеры, должны были всѣ лѣчь тутъ и не допустить истреблять вашихъ начальниковъ." Потомъ обратясь ко мнѣ изволилъ сказать такъ чтобъ всѣ слышали: "а ты съ ними не шути и при первомъ ослушаніи выведи и тутъ же разстрѣляй на мѣстѣ." Потомъ началъ имъ говорить, чтобъ выдали виновныхъ, но поселяне молчали. Я въ то время стоя въ рядахъ поселянъ услышалъ, что сзади меня какой-то поселянинъ говорилъ своимъ товарищамъ: "*А что братцы? полно, это государь-ли? Не изъ нихъ-ли переряженецъ?*" — Услышавъ эти слова, я обмеръ отъ страха и, кажется государь прочелъ на лицѣ моемъ смущеніе, ибо послѣ того не настаивалъ о выдачѣ виновныхъ и спросилъ ихъ: "Раскаяваетесь-ли вы?" и когда они начали кричать — Раскаяваемся! то государь отломилъ кусокъ кренделя и изволилъ скушать сказавъ: "*Ну вотъ я*

тьмъ вашъ хлѣбъ и соль; конечно я могу васъ простить, но какъ Богъ васъ проститъ." Потомъ приказалъ мнѣ командовать на лѣво кругомъ и выстроить фронтъ; и когда они обращены были опять лицомъ къ государю, то онъ благодарилъ меня и гг. офицеровъ бывшихъ во фронтѣ; но такъ какъ не всѣ офицеры того стоили, то я остановилъ государя и сказалъ ему, что не всѣ стоятъ его благодарности и о достойныхъ подалъ ему списокъ, который у меня припасенъ былъ, при чемъ доложилъ ему, что я именемъ его одного унтеръ-офицера произвелъ въ прапорщики; государь спросилъ, за что, и когда? Я доложилъ, что за предложеніе пробиться съ 30 человѣками на штыкахъ со знаменемъ и денежнымъ ящикомъ въ городъ. Его величество, подозвалъ къ себѣ Перекопаева, поцаловалъ и утвердилъ. Послѣ вышедъ изъ экзерциргауза, поѣхалъ на гауптвахту, гдѣ поздоровался съ поселянами, стоявшими на часахъ съ косами вмѣсто ружей, ибо резервный баталіонъ я смѣнилъ по приказанію графа Орлова, чтобъ приготовить къ выступленію въ Новгородѣ. Тамъ на гауптвахтѣ я представилъ арестантовъ, кои непослушались пыпускавшихъ ихъ военныхъ поселянъ. Государь благодарилъ ихъ и послѣ они оставлены были безъ наказанія.

Отъ гауптвахты государь поѣхалъ въ Новгородъ, пріѣхавъ туда былъ въ церквѣ Св. Николая Качанова. По отбытій государя изъ округа, я отслужилъ съ поселянами благодарственный молебенъ и распустилъ ихъ по домамъ; а самъ поѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ еще разъ видѣлъ государя. На другой день государь дѣлалъ смотръ всѣмъ резервымъ баталіонамъ въ Новгородѣ, и приказалъ отправить ихъ въ Гатчину. Въ ночи на 27 число государь отправился обратно въ Петербургъ, получивъ увѣдомленіе, что государыня почувствовала приближеніе родовъ.

По выступленіи резервнаго баталіона въ Гатчину, мы въ округѣ остались одни и графъ Орловъ объявилъ мнѣ: Государю угодно, чтобы поселяне доведены были до раскаянія. Полагая въ этомъ случаѣ дѣйствовать религіей, я предложилъ въ наступающій успенскій постъ отправлять во всѣхъ 4 ротахъ еженедневно по церквамъ служеніе и пріуготовляться къ исповѣди и принятію святыхъ таинъ; а какъ у насъ въ округѣ одинъ священникъ былъ раненъ, и оставался только младшій, да и къ тому поселяне довѣрія не имѣли, *опасаясь* ему исповѣдываться, то я выпросилъ у преосвященнаго чтобы были командированы ко мнѣ 5 человѣкъ умныхъ монаховъ, кои могли

бы на исповѣди усовѣстить заблудшихся и привести къ раскаянію убійцъ. Монахи дѣло свое исполняли усердно; 1 Августа былъ парадъ, благодарственное молебствіе о рожденіи великаго князя Николая Николаевича и водоосвященіе на рѣкѣ Волховѣ. Послѣ въ теченіи двухъ недѣль всѣ роты исполнили таинство покаянія, и тѣ, кои чувствовали себя достойными, пріобщились Св. Тайнъ. Мы же, нѣкоторые офицеры взявъ образъ угодника Божія, коимъ 16 числа Іюля остановлено было буйство поселянъ, разглядѣли подпись и прочитавъ, что сей образъ былъ преподобнаго Феодосія Тотемскаго, сложились, поновили, сдѣлали серебрянный окладъ и положили 50 р. въ банкъ дабы изъ процентовъ на сіи деньги ежегодно горѣли лампады въ дни 16, 17, 18, 19 и 20 Іюля, 25 и 28 Января, въ день угодника.

Августа 12 пришелъ въ округъ резервный баталіонъ кажется Невскаго пѣхотнаго полка, подъ командой маіора Гретенфельда, я расположилъ ихъ въ новомъ строеніи штаба и сталъ занимать ими посты. Около половины Августа была попытка опять сдѣлать бу тъ, заговорщики хотѣли во время моего возвращенія ночью изъ города, напасть на меня, убить и возобновить бунтъ, но жена одного заговорщика объявила

капитану Носову и онъ сообщилъ мнѣ, послав записку, чтобъ я одинъ не ѣхалъ; записку сію я предъявилъ генералъ-лейтенанту Стеселю, который былъ назначенъ отряднымъ генераломъ Новгородскаго удѣла военныхъ поселеній и онъ приказалъ коменданту генералъ-маіору Мазе дать мнѣ уланскій конвой, съ которымъ я пріѣхалъ въ штабъ и сей часъ же послалъ въ роты, чтобы къ 9 часамъ утра были высланы ко мнѣ заговорщики. Они начали ходить по поселянамъ и уговаривать, чтобъ ихъ не выдавали, но тѣ съ разсвѣтомъ выѣхали на работы въ поле и сказали имъ, чтобъ они лучше сами шли и не ожидали пока ихъ свяжутъ. Между тѣмъ 6 часовъ наступило, а ко мнѣ никто не явился, я послалъ вторично 12 уланъ, что ежели къ 7 часамъ требуемые люди не будутъ приведены ко мнѣ, то въ 8 не останется камня на камнѣ въ ротѣ; но уланы встрѣтили ихъ уже на дорогѣ за конвоемъ поселянъ и я отправилъ ихъ въ городъ. 18 числа былъ праздникъ въ 1-ой ротѣ и поселяне меня пришли пригласить. Въ этотъ день старшій священникъ, отецъ Лавръ, былъ имянинникъ и въ первый разъ послѣ исцѣленія разбитой руки, желалъ священнодѣйствовать. Я отправился къ обѣднѣ, гдѣ священникъ по освященіи святыхъ даровъ и по окончаніи причастной

пѣсни, отворилъ царскіе двери и вышедъ сказалъ поселянамъ, что приступая въ первый разъ послѣ 16 Іюля къ священнодѣйствію и причащенію, онъ не можетъ приступить не очистивъ себя прежде покаяніемъ и примиреніемъ совсѣми причинившими ему зло, а потому и просить ихъ простить его, ежели въ вѣденіи или неведеніи учинилъ имъ какое зло, или огорченіе. Тутъ священникъ поклонившись на всѣ стороны продолжалъ, что вмѣстѣ съ симъ не можетъ и не долженъ оставить въ сомнѣніи на счетъ ихъ заблужденія пагубнаго, заставившаго ихъ поднять руки на своихъ начальниковъ, проливъ кровь людей невинныхъ, души коихъ, предстоя конечно теперь предъ престоломъ Всевышняго, молятъ праведнаго Бога, да отпуститъ прегрѣшенія и ослѣпленія причинившимъ имъ мученія и самую смерть. Въ удостовѣреніе ваше, что вы избили и поругались надъ невинными приступаю я къ принятію тѣла и крови Господней. Возвратясь въ алтарь при отверзтыхъ царскихъ дверяхъ, сталъ пріобщаться. По окончаніи литургіи и молебна поселяне просили меня на ихъ завтракъ; я поздравилъ ихъ съ праздникомъ и священника съ днемъ ангела и отправился къ графу Орлову съ донесеніемъ; онъ мнѣ сказалъ, что теперь уже проходитъ мѣсяцъ, какъ онъ

пріѣхалъ и такъ, какъ уже извѣстны главные дѣйствователи, то онъ желалъ бы, чтобъ 20 числа они были арестованы и присланы въ Новгородъ. Исполняя приказаніе графа, я утромъ въ 5 часовъ взялъ безъ всякаго сопротивленія со стороны военныхъ поселянъ 160 человѣкъ по предварительно составленному списку я заковавъ въ кандалы по 10 человѣкъ на одинъ желѣзный прутъ отправилъ въ Новгородъ. Въ 9 часовъ я поѣхалъ самъ туда и, осмотрѣвъ на дорогѣ, какъ ихъ ведутъ, явился къ генералу Стеселю и графу Орлову, и представилъ ихъ. Достойно примѣчанія, что хотя дѣйствовали вскорости безъ лишняго разбору, изъ всѣхъ доставеленныхъ оказался только правымъ одинъ, прочіе всѣ по собственному ихъ сознанію осуждены. Правый этотъ былъ тотъ депутатъ, что по возвращеніи изъ Петербурга объявилъ мнѣ истину. Увидѣвъ его я просилъ освободить, и его освободили.

Вотъ вамъ описаніе усмиренія бунта. Результатъ моихъ дѣйствій былъ: Сохраненіе 38 человѣкъ офицеровъ обреченныхъ на смерть, поддержаніе покорности волѣ государя императора, подъ щитомъ коей я дѣйствовалъ, сохраненіе суммъ въ комитетѣ бывшихъ болѣе 150,000 р., сохраненіе пороха и оружія въ округѣ бывшаго и вообще

всей собственности гренадерскаго императора австрійскаго полка, а также и принадлежащей гг. офицерамъ. Соколовъ, Носовъ и Черницовъ произведены въ слѣдующіе чины, Перекопаевъ произведенъ въ прапорщики и дано 300 р. с. на обмундировку; маіору Кутузову вмѣстѣ съ прочими офицерами облегчено наказаніе, а Левицкій совершенно освобожденъ и отправленъ въ образцовый полкъ; арестанты нижніе чины уволены вовсе отъ суда; дѣти и вдовы убитыхъ получили полные пенсіоны; я произведенъ въ полковники, прослуживъ въ подполковничьемъ чинѣ съ 1825 года и пожаловано мнѣ единовременно 900 рублей съ вычетомъ 10 процентовъ, то есть 810 р. До сихъ поръ я описалъ вамъ, что видѣлъ, теперь объясню какъ бунтъ начался.

Былъ обычай въ округахъ военнаго поселенія, вмѣсто того, чтобъ для пожарныхъ лошадей собирать сѣно по разкладкѣ съ каждаго дома въ ротѣ, обыкновенно ротные командиры уговаривали поселянъ косить извѣстное урочище. Въ этотъ день, капитанъ 2-ой роты Заикинъ, приказалъ поселянамъ выкосить для пожарныхъ лошадей оврагъ по большой дорогѣ въ доль по ручью. Но поселяне начали упорствовать и собравшись къ нему объявили, что косить не хотятъ, а дадутъ сѣно

съ вѣсу. Тогда Заикинъ приказалъ имъ этотъ оврагъ косить для нихъ самихъ; поселяне хотя и спорили, но пошли и вмѣсто того, чтобъ косить, роптали на своихъ начальниковъ и разговаривали о холерѣ, объ коей получили свѣденіе отъ мужиковъ проходившихъ изъ Петербурга и отъ проѣхавшихъ солдатъ бывшихъ за пріемкой съ офицеромъ Бѣляевымъ. Роптали и на то, что приняты карантинныя мѣры и не допускаютъ ихъ имѣтъ свиданіе съ дѣтьми, служащими въ резервномъ баталіонѣ, пришедшими изъ лагеря и расположенными въ ригахъ. Около Подберезья находится и нынѣ на Московскомъ шоссе казарма нижнихъ чиновъ путей сообщенія. Въ этомъ домикѣ жилъ унтеръ-офицеръ съ своей командой и у него находилась безъ пашпорта дѣвка. Когда по случаю появленія холеры начали чаще посѣщать казармы и учредили карантины разсматривавшіе откуда проходящіе слѣдуютъ, унтеръ-офицеръ прогналъ дѣвку эту, та бросилась къ Новгороду, но остановлена была въ карантинѣ, потомъ она обратилась къ Петербургу, но и тамъ не пропустили, а потому и возвратилась въ казарму; но унтеръ-офицеръ приказалъ ей идти въ бокъ по проселочной дорогѣ, однако и тамъ она была обращена назадъ гражданскимъ карантиномъ. Она

вышедъ на шоссе возвращалась въ казарму, гдѣ встрѣтилъ ее унтеръ-офицеръ, у коего она жила, онъ былъ посланъ въ слѣдующую казарму своимъ докторомъ для доставки туда хлоровой извѣсти и сѣрной кислоты. Увидѣвъ его, дѣвка сказала, что она нигдѣ пройти не могла, и просила его, чтобъ онъ взялъ ее обратно, но тотъ ударилъ ее и сказалъ, что если она его не оставитъ то онъ ее тутъ же умертвитъ. Взявъ хлориновой извести, положилъ на камень и налилъ кислоты. Когда известь закипѣла и сталъ выходить газъ, тогда дѣвка закричала "караулъ! травятъ?" Поселяне, бывшіе въ оврагѣ около того мѣста выскочили и, увидя исходящій паръ изъ камня, схватили ихъ, повели къ своему капитану Заикину и начали укорять его, что дѣлаетъ потворство отравителямъ, заставили его требовать къ себѣ подполковника Бутовича и чтобъ съ нимъ былъ лекарь. Заикинъ, необъяснивъ буйства поселянъ, написалъ записку къ Бутовичу, что поселяне поймали съ ядомъ отравителя и требуютъ его съ лекаремъ. Бутовичь въ то время съ Пановымъ занимался счетами; положивъ недосчитанныя деньги въ карманъ и пригласивъ штабъ-лекаря, поѣхалъ съ нимъ въ кабріолетѣ во 2-ю роту. По прибытіи туда онъ нашелъ толпу поселянъ на площади. Поселяне

бросились къ лекарю и слали его допрашивать объ ядѣ. Бутовичь вразумлялъ ихъ, что послана хлоровая известь не имъ, а лекаремъ путей сообщенія, но толпа начала его бить; Бутовичь приказалъ штабъ-капитану Забѣлину вывесть роту резервнаго баталіона изъ риги и зарядить ружья. Забѣлинъ выстроивъ роту, ружья зарядилъ и взялъ на изготовку, но вмѣсто командованія пали, Бутовичь подошелъ и началъ говорить дивизіону, вынувъ пучокъ денегъ изъ кармана — *"стрѣляйте ребята, за каждый выстрѣлъ дамъ по 100 р."* Дивизіонъ спустилъ круки на первой взводъ и ружья *поставилъ къ ногѣ.* Забѣлинъ чтобъ подать примѣръ выхватилъ у рядоваго ружье и хотѣлъ самъ выстрѣлить, но былъ стоящимъ сзади унтеръ-офицеромъ штыкомъ проколотъ въ спину и вытолкнутъ изъ фронта; дивизіонъ сдѣлалъ на лѣво кругомъ и отошелъ на нѣсколько шаговъ. Поселяне схватили Бутовича и начали бить, а дивизіонъ оставшись безъ начальниковъ разошелся, потому и съ маіоромъ Баллашомъ было только 3 роты. Въ это время я узналъ и прибылъ къ нимъ, о чемъ подробно описано выше.

Печатано въ типографіи Г. Пеца, въ Наумбургѣ.